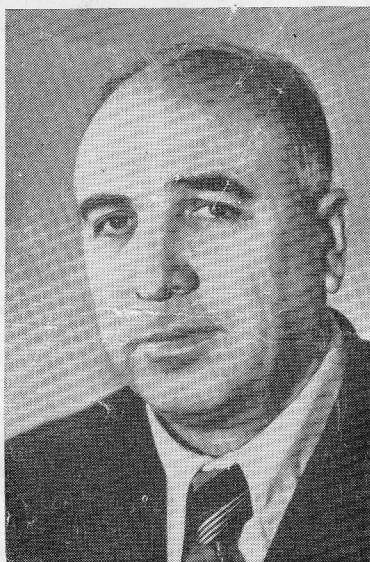

Пьесы

Юрий
Яковлев

Ночной
мотоциклист
(Вне игры)

Современная история

Действующие лица

- 1 Бос. — ?
 - 2 Фая. — *Илья*
 - 2 Гоша. ?
 - 1 Медсестра. — *Зиркова*
 - 1 Слава. — *Мануил*
 - 1 Петрова.
 - Дед. —
 - Тип. —
 - 1 Певца. —
 - Инспектор ГАИ. — ?
- Мотоциклисты, танцующие в баре.

1 женщина
6 мужчин

2018 (баск)

316
3111

29/10
2/19
9
7

Действие первое 914a

Кружечко С.

1

Ночная современная дорога. С белой разметкой, дорожными знаками, огнями. Стоит гул. В темноте вспыхивают огни мотоциклетных фар. Нарастающий грохот летящих лавиной мотоциклов. Свист. Крики. Обрывки музыки. Огни фар подпрыгивают, перемещаются. Кажется, десятки мотоциклов неровной шеренгой несутся прямо в зал. На среднем мотоцикле высвечивается Бос. Он среднего роста, крепкий, на нем куртка, джинсы, короткие сапожки, мотоциклетный шлем. Из-за его плеча выглядывает Фая. Она тоже в шлеме. Их обгоняет Гоша — высокий, элегантный. Он старается перекричать надсадный грохот машин.

Гоша (декламирует).

Дедушка в поле нашел ананас.
Старый не понял, что это фугас.
Ножик достал, приготовился есть...
Шапку нашли километров за шесть...

В разных местах раздается грубый смех.
Крики: «Обвал! Обвалденно!»

Бос (как бы подхватывая).

Мальчик в колодце нашел пулемет.
Больше в деревне никто не живет.

Взрыв смеха.

Гоша.

Голые бабы по небу летят —
В женскую баню ударил снаряд.

Смех, крики. Мотоциклы резко поворачиваются. Теперь фары светят параллельно залу. Высвечивается один мотоцикл, как бы мчащийся во тьме. Впереди сидит Бос. За его спиной Фая — в батнике, в кожаных брюках «в облипochку». Движения у нее резкие, голос низкий, грубоватый. Их подбрасывает на неровной дороге.

Фая. Обалденно! Сам придумал?

Бос. Народное творчество. Гоша собирает...
Держись крепче, свалишься. Еще крепче!

Фая. На мне тонкий батник, а ты в коже... Все равно что обнимать бизона.

Бос. Могу раздеться до пояса.

Фая. Простынешь. Терпеть не могу, когда парни чихают и сморкаются. Эй! Летим на столб!

Бос. Пронесет!

Фая. Ты не бог!

Бос. Когда я на мотоцикле, я — бог!

Мотоцикл с Босом и Фаяей исчезает. Снова в темноте появляются прыгающие огни фар. Грохот усиливается. Слышен голос Боса:

«Дедушка в поле гранату нашел.

Поднял ее и к соседу пошел...»

Раздается смех. Вдруг крик: «Бригадир!

Сбили кого-то!» Грохот моторов стихает.

Огни меркнут. Тревожные голоса: «Ты видел?»

«Гошка мчался по самому краю!»

«Кто-то упал в кювет. Может быть, оступился?»

«Я видел старуху...»

«При чем здесь старуха?»

«Там „жигуленок“ стоял на обочине... И коза паслась!»

«Пронесло!» Мотоциклы исчезают.

2

На современной дороге — с разметкой, с указателями, знаками, светофорами, с ограждениями, — устремленной из глубины сцены в зал, возникает уголок больницы. Белый столик, топчан, белая табуретка, на котором лежит белое судно. Шкафчик с лекарствами. Некоторое время сцена пуста. Но вот появляется каталка, ее катит сестра в безукоризненно белом халате и на крахмальной шапочке. В каталке полулежит Бос. Он неподвижен, как неживой.

Сестра. Опять дождь... Стоит прилично одеться — обязательно польет.

Бос. Куда собралась, ангел-хранитель?

Сестра. Тебе-то что!

Пауза. Бос молчит.

Бос. Вывези меня на балкон.

Сестра. Еще чего! Промокнешь. Потом отечай за тебя. Перебьешься.

Пауза.

Бос. Почему в больнице все белое? Шкафы, горшки, халат на тебе... Так можно свихнуться. Белое! Белое!

Сестра. Может быть, перекрасить для тебя больницу?

Бос молчит.

Бос. Послушай, ко мне никто не приходил?

Сестра. Почему я знаю? В клинике карантин. Никого не пускают.

Бос. И Гоша не приходил?

Сестра. Какой еще Гоша?

Бос. Мой друг. Его сразу заметишь. Красивый. Одет фирменно. (После паузы.) Или тебя интересуют только шприцы и анализы? Спустишь, может быть, он ждет. Не пожалеешь. Парень — молоток!

Сестра (*невозмутимо*). Карантин.
Бос. Сама ты карантин. Дай судно!

Сестра так же невозмутимо подает ему судно. Бос кладет его на колени, переворачивает и начинает бить руками, как по барабану, и напевать в ритме рок. Все быстрее, быстрее. И вдруг отбрасывает судно, и оно с грохотом падает на пол.

Не могу больше! Хватит! Сбегу!

Сестра. Не психуй. Для тебя сейчас самое главное — спокойствие.

Бос. Выброшен из игры. Ладно! Пронесло. Можешь и дальше никого не пускать.

Сестра. Хочешь жить — держи себя в руках.

Бос. На кой мне так жить!

Сестра. Лежи спокойно. Иначе не выкарабкаешься... Со временем станет легче.

Бос. Легче не станет. Никогда. Останови машину! Уходи, сестра милосердия!

Сестра. Как знаешь. (*Идет, стуча каблучками.*)

Бос (*вслед ей*). Вывези меня на дождь! Хочу дождя! О-о!..

Сестра уходит. Появляется Петрова, полная женщина в несвежем халате. Она ставит на пол ведро и начинает подтирать шваброй.

(*Раздраженно.*) Когда-нибудь перестанешь шваркать?!

Петрова. За больными не обидно подтирать. Больные лежат, топчут здоровые.

Бос. Подтирай не подтирай, свои рэ получишь.

Петрова. Я работаю здесь не за деньги. Меня к сыну за это пускают. Он у меня в вечерней школе учился, а днем работал мойщиком окон. После того как чистой тряпкой сотрет со стекла мел, витрина сверкает, в ней вся улица отражается... прохожие, машины... Никогда не смотрел на чистые витрины?

Бос. Не привык липнуть к витринам.

Петрова. Стремлянка легкая, неустойчивая. Он не удержался, упал. (*Продолжает тереть пол.*) Теперь мы оба маемся. (*Пауза.*) Что же твоей матери не видно? У тебя есть мать?

Бос (*вспыхивает*). Тебе-то что до моей матери! Подтирай, подтирай! Не хочу я ее видеть! Никого не хочу видеть! Зачем меня привезли сюда. Лучше бы там... от потери крови... раз и навсегда... Хочу на дорогу!

Петрова бросает швабру, подбегает к Босу. Тот откидывается, закрывает глаза.

Затемнение

Снова оживает дорога. Вспыхивают огни и знаки. Снова накатывается лавина мотоциклистов. Мчится прямо на зрителей, потом резко сворачивает. Высвечиваются Бос и Фая.

Фая. Ребята кричали... кого-то сбили.

Бос. Потом разберемся. Здесь нельзя оставаться.

Фая. Может быть, опять телефонную будку перевернули.

Бос. Будку так будку.

Рядом появляется Гоша.

Что ты такой бледный?

Гоша. Меня встречный свет ослепил... Во что-то врезался. По-моему, «жигуленок» стоял на обочине без габаритных огней... После дождя дорога скользкая — так отбросило, еле в седле удержался. Кажется, кто-то упал рядом.

Бос. Дорога полна неожиданностей.

Фая. Ребята кричали — старуха... Достоевского читал?

Гоша. Уголовный кодекс читал. Не до шуток, ребята. ГАИ не дремлет.

Фая. Не дрейфь, Гоша! Ты же молоток!

Гоша. Легко живешь, Фая! Может быть, это и хорошо. Но мне такое дорожное происшествие ни к чему... Вдруг в самом деле, тогда...

Фая. Вернись. Убедись, в чем дело. Может быть, надо помочь?

Бос (*весело*). Милиции! Не бери в ум, Гоша! Не знаешь Фаю? Она девушка с хроническим юмором.

Фая (*Гоше*). Хочешь, я с тобой вернусь?

Гоша молчит. Грохочут мотоциклы.

Решай! Пересесть к тебе?..

Гоша молчит.

Бос. Ладно, пронесло! Время темное. Через час будем за сто километров отсюда. И никаких следов... Обязательно кто-то сунется под колеса. (*Кричит остальным.*) Сворачивай с дороги! Прямо по полю! Мимо кладбища... Заводи музыку.

Голоса: «За бригадиром... Мимо кладбища!» Загremели мотоциклы. Запрыгали огни. С новой силой ожила дорога. Зазвучала музыка. Женский голос запел:

«Я ничейная, ничейная, ничейная.

Лишь сама себе принадлежу.

Не назначено свидание вечернее,

Я одна по городу хожу.

Я весь день ничья,

Я всю ночь ничья,

Я всю жизнь

Одна, одна, одна.»

Затемнение

3

Больница Музыка продолжается. В кресле на колесах выезжает Бос. Он в больной пижаме. Выходит сестра.

Сестра. Аверьянов, обедать!

Бос. Не буду.

Сестра. Что значит «не буду»? Положено обедать, не валяй дурака.

Бос. Надоела бурда. Нет аппетита.

Сестра. Дома будешь ломаться! Аппетита у него нет. А мне какое дело!

Бос. Можешь покультурнее?

Сестра. За девяносто рэ? Многого хочешь. Давай быстрее!

Бос. Что ты ко мне привязалась? У тебя целое отделение спинальных. Корми их. Хочу соленый огурец!

Сестра. Ты когда-нибудь жил в семье?

Бос. Я живу один. Родители вечно в командировках за рубежом. За мной тетка приглядывает. Раз в неделю наполняет холодильник. Потом сварит себе кофе, закурит и начнет рассуждать: «Я с муками поступала в институт, с муками училась. А для чего? Чтобы жарить котлеты дяде Коле! А расписывать пульку можно и без высшего образования. Трех классов хватит».

Сестра. А как насчет смысла жизни у твоей тетки?

Бос. «Я на носочки не встаю, говорит, в будущее не заглядываю. На днях достала белые сапоги на манной каше — и счастлива». (После паузы.) Я хочу соленый огурец, а ты мне перловку.

Сестра. Спрошу на кухне. Огурца ему захотелось! Соленого! (Поворачивается и, стуча каблучками, уходит.)

Некоторое время Бос один. Потом появляется Фая. Она в рыжем вызывающем парике, на плечи накинут не по росту большой халат. Идет медленно, неуверенно, подавлена. Замечает Боса и останавливается, а он ее не видит. Кажется, они оба слушают одну музыку.

Фая. Бос!

Музыка обрывается. Бос медленно разворачивает кресло-качалку и смотрит на Фаяо неузнающим взглядом.

Не узнаешь? (Поправляет парик.)

Бос продолжает молчать.

К тебе долго не пускали. Порядочки в больнице! Сунула няньке тройк — пропустила. Халат дала... пятьдесят шестого размера.

Бос. Зачем пришла?

Фая пропускает его вопрос мимо ушей.

Я тебя не звал.

Фая. Ты меня никогда не звал. Сама приходила. И оказывалось — ждешь.

Бос. Заждался. Перегорело.

Фая. Врешь! Так у людей не бывает.

Бос. А я не человек — кентавр. Вместо ног — колеса. (Ерничает, выдвигает в кресле-качалке маневры.)

Фая. Маневренность отличная. Движок слабоват — две руки.

Бос. Прокатить? Шлем захватила? Или у тебя теперь вместо шлема — парик?

Фая. Выбросила шлем!

Бос. От тебя раньше бензином пахло. Теперь что-то непонятное.

Фая. «Мажинуар». Французские духи. Специально... думала оценишь.

Бос. Кто тебя привез?

Фая. Теперь хожу пешком.

Бос. Врешь. Кто ждет у подъезда?

Фая. С мотоциклами покончено. Заглянула на тот свет. Хватит. Завязала.

Бос. Струхнула?

Фая. Одного раза достаточно. Во! (Проводит ребром ладони по горлу. После паузы.) Неужели это ты? Живой?

Бос. Подойди, пощупай. Не бойся. Я! Я!

Фая вдруг не выдерживает и начинает всхлипывать.

Не реви! Рецидивы потекут.

Фая. Я виновата. Я могла тебя остановить...

Бос. Посмотрел бы, как ты могла меня остановить. Послал бы подальше.

Фая (не слушая его). Самой нравилось гонять по ночам. Что мы наделали, Бос! (После паузы.) Что теперь будет?

Бос. Ничего. Можешь не волноваться. Ты в порядке... Разлетимся в разные стороны. Каждый будет сам по себе.

Фая. Я не могу сама по себе!

Бос. Это только кажется... первое время... Уходи! Откалывайся.

Фая тихо плачет.

Перестань меня оплакивать! Я еще живой.

Фая (сквозь слезы). Я себя оплакиваю... нашу жизнь...

Бос (насмешливо). Не хочешь сесть на заднее седло, прижаться ко мне крепче и крикнуть в самое ухо: «Полный вперед!»

Фая. Гоняли как какие-то чудики из дурдома. Сестра расходилась с мужем, соседка умирает от рака, нам все до фени. От всех бед легко удирали. Теперь расплачиваемся.

Бос. Тебе-то что! Я заплатил... за двоих. (Кивает на неподвижные ноги.)

Фая. Ты всегда платил за меня. Но тут деньгами не откупишься.

Бос. Пришла поплакаться? А я тебя насмешу. Помнишь, мы как-то бегали на японский фильм. «Человек-трамвай». Один чокнутый

вообразил себя трамваем, целый день шнырял по невидимым рельсам — динь! динь! динь! Я вроде того. Человек-мотоцикл. Трах-тах-тах! (*Ерничает, выделяет фигуры на кресле-коляске.*) Трах-тах-тах! Смешно? Почему ты не смеешься? Трах-тах-тах!

Ф а я (*кричит*). Перестань! (*Опускается без сил на топчан.*) Здесь курят? (*Не дождавшись ответа, закуривает.*)

Бос развезжает по сцене. Потом подруливает к Фae.

Бос. Вы, гражданочка, обознались. Ваш друг давно выписался. Вскочил на ножки и побежал. Слиял! А это совсем другой товарищ. Он вас не знает. У него, если хотите, другая дама сердца.

Ф а я (*глухо*). Сестричка в накрахмаленной шапочке?

Бос. Познакомить? Хорошая, чистенькая, вся в белом, Жанной зовут.

Ф а я. Смеешься. Не верю! Никогда тебе не верила!.. Не доверяла.

Бос. Ключ от твоей квартиры лежал у меня в кармане.

Ф а я. Ключ я тебе доверяла.

Бос приближается к Фae.

Бос. Ты мне жизнь доверяла... свою.

Ф а я. Потому что не дорожила жизнью. Мчалась с тобой направо. На спидометре сто двадцать кмэ... Страшно, а я не орала, не канючила: «Остановись, сойду!» Только дышала тебе в затылок и сильнее прижималась.

Бос. Я спиной чувствовал все твои страхи. Жизнь ты не дорожишь. Чем же ты дорожишь?

Ф а я (*пристально смотрит на Боса, потом говорит*). Боюсь тебя потерять... Этого страха ты не почувствовал?

Бос (*с усмешкой*).

Дедушка в поле нашел ананас. Старый не понял, что это фугас. Ножик достал...

Съел я ананас... вместо дедушки. Мы теперь из разной жизни. Будь здоров, не кашляй!

Ф а я. Что ты за разную жизнь придумал?

Бос. Считаю, что я жил, например, при Пушкине... Жил прекрасно... Ты живешь в наши дни, а я далеко там...

Ф а я (*не слушая Боса*). Я много думала...

Бос. Это даже интересно — Фая думает. До чего же ты додумалась, Спиноза?

Ф а я. У нас в соседнем доме висит плакат: «Не давайте детям спички. Во избежание пожара...» Мы вроде тех детей... Взрослые недосмотрели, а мы — чирк! И горим.

Бос. Не думай! Не напрягайся. Шагай отсюда в веселом рыжем паричке в свое светлое будущее. Мажинуар! У меня со всех сторон прошлое. Попал в окружение. (*Стучит кулаком по креслу.*) На этой машине далеко не уедешь. Не «Ява». Без второго седла. Одноместная. Уходи!

Ф а я. Не уйду!

Бос. Тебе со мной ничего не светит. Погасло. Обувой не желаю быть. В жалости не нуждаюсь. (*После паузы. Выезжает на авансцену.*) Как мы жили! Нас было много. Мы были вместе. Мы все могли. Это так здорово, когда человек чувствует, что он все, все может. Когда мы на своих «Явах» мчались по ночной дороге, мир переворачивался.

Дорога начинает оживать. Мигают огни фар, светофоры, звучат моторы, звучит музыка дороги.

Пенсионеры выскакивали из теплых постелей и высовывались в окна: «Война началась?» Гаишники гонялись за нами — не могли поймать. Мы были неуловимыми. Такая была острая, рискованная игра... мурашки по коже... И вдруг...

Дорога замирает, утихает, гаснет.

Привезли без сознания в больницу. Спихнули в спинальное отделение. И гуд бай!.. Пожил в коллективе. Сыт! Хочу быть один! Уходи и никогда больше...

Ф а я. Ты меня прогоняешь?

Энергично входит сестра и замечает Фая.

Сестра (*Босу*). Что это? Кто пустил? В клинике карантин.

Бос. Не шуми. Сейчас уйдет. Она ошиблась отделением.

Сестра. Что значит «не шуми», Аверьянов? Порядок для всех общий. Минздравовский.

Бос. Ладно. Пронесло! Слышишь, Фая, — порядок для всех общий. Прекрасный порядок. Топай отсюда.

Ф а я (*жестко, сестре*). Ухожу. Успокойся, накрахмаленная! (*Уходит.*)

Сестра (*вслед*). Еще грубит. В клинике карантин...

Бос. Она больше не придет. Теперь вечный карантин. (*Внимательно смотрит на сестру.*) Жанна, ангел-хранитель, ты сегодня какая-то загадочная. Расстегни-ка халат.

Сестра. Зачем еще?

Бос. Ну, расстегни!

Сестра расстегивается, и под халатом оказывается элегантный дорогой костюм.

А все жалуешься, что мало получаешь.

Сестра. Ты попробуй после работы побегай по этажам — банки, уколы, массаж. Каждую копейку считаю. Ем с вами больничную размазную... Хочется одеться... нравиться ребятам... Жить как люди.

Бос. Я думал, ты вся накрахмаленная! Оказывается, на тебе не медицинский халатик, а маскхалат... Ты танцуешь? Может быть, попробуем... рок на колесах! *(Начинает выдвигать фигуры в кресле на колесах.)*

Сестра. Хватит! Перестань!

Бос наступает на нее.

Как я от тебя устала, Аверьянов!

Бос *(подкатывает к ней вплотную. Другим голосом).* Ты ничего не поняла? Может быть, сейчас моя жизнь рухнула. Последний шанс упущен. Я же прогнал Фаю.

Сестра. Вульгарная девчонка... в парике!

Бос. Это для тебя она вульгарная девчонка. А для меня...

Сестра *(обрывает его).* Тебя там товарищ ждет.

Бос *(оживляясь).* Гоша?

Сестра. Не интересовалась! *(Уходит.)*

А Бос устремляется следом и буквально сталкивается с молодым человеком в очках, с модной прической. В руках у него кейс.

Бос *(разочарованно).* Ты? Я думал Гошка, мой друг.

Слава. Здравствуй. Моя фамилия Караваев. Я из райкома. Можешь называть меня Славой. *(Достает из кейса кулек, протягивает Босу.)* Яблоки мытые... И еще книга...

Бос. Как говорил один милиционер, книга у меня уже есть. Яблоки положи на стол.

Слава *(присаживается на топчан).* Как самочувствие?

Бос. Нормально.

Слава. Дело идет на поправку?

Бос. Вот двигаюсь... с помощью техники.

Слава. А настроение?

Бос. Бодрое! *(Пристально смотрит на гостя, меняет тон.)* Ты что, смеешься надо мной? Какое может быть настроение в этом кресле? Или тебе непременно хочется, чтобы я тебе подыграл?.. А я не хочу! Мы с тобой в разные игры играем. У нас разные правила. Я в отпаде, понимаешь? Вне игры.

Слава. Не хочешь разговаривать. Извини. Мне поручили навестить тебя. То, что случилось на дороге, — для района большое чепэ. Нам небезразлично, как ты себя чувствуешь, как думаешь жить.

Бос. Никак не думаю!

Слава. Вернешься в школу или пойдешь работать?

Бос. Учиться поздно. Да и в школе давно расхотели со мной возиться. Работать? Зачем? Я — инвалид. Пенсию буду получать. Путевку раз в год. Бесплатный проезд.

Слава. Не дури! Я говорил с твоими ребятами. Они хоть и струхнули после этой истории, но я почувствовал, что они тянутся к тебе. Они за тобой пойдут...

Бос. Ты не врубился, что ли? На мне корсет. *(Бьет себя в грудь.)* Латы! А ноги... у меня нет ног! Кто за мной пойдет, когда я сам не могу идти!

Слава. Я потащу тебя, взвалю на спину...

Бос. Врешь! С какой стати тебя меня тащить! Тебе поручили? Приказали?

Слава. Меня так воспитали. Если человек упал... Ты не должен сдаваться!

Бос. Я — не Николай Островский. Аверьянов моя фамилия. Ордена мне не дадут. Музей-квартиру после смерти не откроют. Я всего-навсего ночной мотоциклист... был.

Вокруг Боса и Славы оживает дорога: звуки, огни, музыка.

Слава. Почему вы гоняли по ночам?

Бос. Ночью дороги свободны. Ночью они принадлежат нам.

Слава. Мы тоже организуем мотокроссы.

Бос. Мы любим езду в трудных условиях, с риском... А у вас все по плану, все разложено по полочкам. Бывает, даже победитель заранее известен. У нас другие игры.

Слава. Что ты как малое дитя — все игры да игры! Может быть, тебе погремушку принести или кубик-рубик?

Бос. Тебе поручили навестить калеку. Ты покупаешь полкило яблок для чуткости и идешь. «Как настроение?» Тебя мое настроение не интересует. И идти сюда тебе не хотелось. Я сам бы добровольно не пошел к чужому в больницу. Играешь ты, Слава, скучную роль.

Слава. Неужели жизнь ничему тебя не научила?

Бос. Научила. Самому главному — отличать правду от лжи. Когда болит так, что хочется орать до хрипоты, — не будешь изображать улыбку. Боль — это всегда правда. *(После паузы. С другой интонацией.)* Мы как-то были у вас. Просили бросовый подвальныйчик для мастерской, хотели клуб построить, где можно потанцевать. Нам сказали — нет возможности.

Слава. Мы не все можем.

Бос. А зачем тогда вы, если даже подвальныйчик для нас отыскать не смогли? Но мы — самостоятельные. Мы сами нашли себе занятие. Садись на мотоциклы и удирали — от скуки, от ваших скучных игр, от всех проблем. Но проблем!

Слава. Я ненамного старше, но я не понимаю тебя...

Бос. А тебе никогда не хочется сесть на мотоцикл и почувствовать, что мир принадлежит тебе? Гнать, чтобы ветер бил в лицо, чтобы милицейские свистки проносились над ухом, как воробьи?.. Молчишь? Ну, как знаешь. Тебе твои игры больше нравятся.

Слава (понимается). И все-таки рассчитывай на нас. Выпишешься из больницы — приходи. (Идет к двери.)

Бос (вдогонку). Я бы пришел — идти нечем.

Эти слова останавливают Славу. Некоторое время он пристально смотрит на Боса. Дорога оживает с новой силой.

Затемнение

4

Грохочущая дорога. Мчащийся мотоцикл. Вспыхивают два бегущих красных огня переезда. Дорога смолкает. Выходят Бос и Фая. На мотоцикле подъезжает инспектор ГАИ. Он говорит по рации.

Инспектор. Пятый! Пятый! Докладывает инспектор Гусев. Я на тридцать шестом километре. Дорожных происшествий нет. Есть случаи превышения скорости. Трех остановил. Строго предупредил... А их предупреждай не предупреждай — гоняют! Дорога мокрая, скользко... Нет, мотоциклистов не замечал. Стоит тут один на переезде с девушкой. Еду в сторону города. Через полчаса выйду на связь!.. (Подходит к Босу и Фая.) Добрый вечер!

Фая. Привет, инспектор! Какие будут указания?

Инспектор. Права.

Бос (достаёт права, протягивает инспектору). Держи, командир.

Инспектор. Жалко, что у твоей пассажирки нет прав. Отобрал бы.

Фая. За что?

Инспектор. За глаза! Нельзя с такими глазами выезжать на трассу. Создают аварийную обстановку.

Бос. Уж не попал ли ты в аварию, инспектор?

Инспектор. Мне не положено... попадать в аварию. Мне много чего не положено. (Так и не взглянув, возвращает права. Фая.) А тебя как звать?

Фая. Фаина Николаевна! А тебя?

Инспектор. Саша... Ну, ладно. (Берет под козырек.) Счастливой дороги.

Бос (наигранно). Будем бороться за безопасность движения!

Фая. Счастливо... Саша!

Инспектор уезжает.

Ничего парень!

Бос. Они все ничего, а как дойдет до дела — кто кого! Главное, о старухе ни слова. А ты его впечатлила.

Фая. Я вообще девушка эффектная. Тебе нравится мой батник? (Демонстрирует свой батник.)

Бос. Нормальный.

Фая. Между прочим, Гоша подарил.

Бос. С чего это он? Почему Гоша?

Фая. Захотел и подарил. Подвернулся ему, наверное.

Бос. Мне что-то не подворачивается. Даже в голове не держу такое.

Фая. И зря! Люди цветы дарят.

Бос. Тебе нужны цветы? Пожалуйста. Отъедем подальше — я тебе сирени наломаю. Хочешь?

Фая. Гоша предлагал познакомить меня со своей мамой.

Бос. У него очень хорошая мама. Она только с виду суровая, жесткая... А голос у нее... греющий. И она все понимает.

Фая. Дурак ты, Бос. Совсем зеленый. Не усекаешь, для чего парень знакомит девушку со своей мамой? Никого не знакомил, а тут знакомит?

Бос. Чего же здесь плохого. Я бы тоже познакомил тебя с мамой.

Фая. Ты же не знакомишь? У тебя есть мама?

Бос (раздраженно). Есть! Есть! Неизвестно где, в джунглях! В анкете пишу — есть мать. А дома пусто! С десяти лет живу без матери. Я завидую Гоше. Прихожу к нему домой... чтобы слышать голос мамы. У меня почтово-телеграфная мать... Я забыл ее голос... Ладно! Пронесло!

Фая. Что ты кричишь на меня? Я, что ли, виновата!.. Мне с тобой скучно!

Бос. Это что-то новое!

Раздается грохот приближающегося мотоцикла.

Может быть, воспользуешься остановкой, девушка?

Мотоцикл смолкает. Подходит Гоша.

Гоша. За сорок минут шестьдесят кмэ отгрохали. Я засек спидометр... Ссоритесь?

Фая. Говорим о музыке.

Бос. Скоро подгребут ребята, надо где-нибудь заправиться.

Гоша. Тут километров за двадцать есть мотель... бар с танцами. У меня там знакомые ребята играют.

Бос. Машины надо заправить.

Гоша. Там есть колонка... Сегодня я угощаю.

Фая. Ну ты даешь, Гоша. Только что был в отпаде, а сейчас в полном блеске. Пронесло!

Бос. Правильно, Гоша!

Гоша. Была ли старушка? Может быть, старушки и не было?

Бос. Хвоста за нами не замечал?

Гоша. Чисто! Начинаю думать, что старушки и в самом деле не было.

Бос. Но «жигуль» скрипел и стекла звенели.

Раздается насадный грохот приближающихся мотоциклов. Грохот проходящего поезда. Дорога оживает. Вспыхивает зеленый свет. Звучит музыка дороги.

Гоша. Будем надеяться, пронесет... как всегда.

Фая. Один раз может и не пронести...

Бос. Заткнись на минутку... (Оглядывается. кричит.) Едем к мотелю!

Гул одобрения. Шум. Музыка. Лавина двинулась. Затемнение. Звучит мелодия песни «Ничейная».

5

Бар мотеля. Дорога превращается в танцплощадку, по краям стойки бара. Посетители бара танцуют в полумраке. Звучит песня.

«Я ничейная, ничейная, ничейная.

Я порою задыхаюсь от любви.

Отыщи меня, приди ко мне, пригрей меня,
Ну хотя бы просто позови.

Я весь день ничья.

Я всю ночь ничья.

Я всю жизнь

Одна, одна, одна.

Позови меня, и кончатся мучения.

Уведи меня в счастливые края.

Ты ничейным был, а я ничейная.

А теперь ты мой, а я — твоя.

Я весь день ничья,

Я всю ночь ничья,

Я всю жизнь

Одна, одна, одна».

Бос и Фая перестают танцевать, выходят на авансцену.

Фая. У меня эта старуха в голове засела. Давай вернемся.

Бос. Нервы сдали. Не бери в ум.

Фая. Может быть, человеку помочь нужно?

Бос. Мы никогда не оглядывались. Наш закон — только вперед. Что это, твоя тетка? Бабка? Абстрактная старуха.

Фая. Абстрактных старух не бывает. Может быть, она еще жива? Лежит в канаве со сломанным бедром...

Бос. Ладно! Пронесло! Идем танцевать...

Фая. Дай ключ!

Бос. Никуда ты не поедешь!

Фая. Не даешь ключ, я пойду пешком.

Бос (хватает Фая за руку). Сбрыкнула! Со мной такие номера не проходят.

Фая. Не поняла! Отойти!

Бос держит ее за руку.

Я могу и врезать!

Бос. Сдурела!

Отталкивает Фая. Та чуть не падает.

Фая (зовет). Гоша! Гоша!

Появляется Гоша — элегантный, улыбающийся, пльвущая походка. В руке держит бокал.

Гоша. Не ходите, дети, в школу —

Пейте, дети, пепси-колу!

Мой папаша при жизни утверждал, что коктейль — это не смесь разных вин, а сборище разных людей. (Протягивает Фая бокал.) Прощу! Что-то сегодня вы мне не нравитесь. Ругаетесь? Недовольны жизнью?

Бос. Жизнь прекрасна и удивительна! Индусы утверждают, что после смерти наши души переселяются в другие существа. Могут даже переселиться в собаку.

Гоша. Это прекрасно! Я всегда немного завидовал собакам.

Бос. Если стану собакой — начну кусаться.

Фая (Гоше). Бос философствует! Как тебе это нравится? Идем танцевать. (Берет Гошу за руку.)

Гоша (Босу). Не возражаешь?

Бос. Только ты ее не очень...

Фая. Люблю людей с переменчивым настроением. Гоша уже забыл про старушку. Бац! — и нет старушки.

Бос. Заткнись на минуточку!

Гоша (декламирует).

Пока Достоевский сидит в казино,
Раскольников глушит старух.

Фая. Переложи эти стихи на музыку. Во получится рок! Прорыв в будущее! «Ты жива еще, моя старушка?..»

Гоша (Босу). Откуда она взяла старуху?

Фая. Придумала. Может, человек взять и придумать... просто так?

Гоша. Может! И просто так сбить, и просто так придумать. И много еще просто так. Верно, Бос! (Подмигивает Босу. Фая.) Нарочно задираешься? Идем!

Фая (с иронией, Босу). Что же ты так легко уступаешь меня... другу?

Бос. Не ломайся. О'кей!

Фая недовольно сунула Босу бокал. И в ту же минуту начинает звучать оглушительная рок-музыка. Слышны возгласы танцующих ребят. Фая и Гоша эксцентрично танцуют в бешеном темпе, проделывая сложные фигуры, площадка-дорога дрожит от их танца. В какую-то минуту дорога оживает и музыка сливается со звуками дороги. Софиты, высвечивающие танцующие пары, гаснут и

в темноте вспыхивают огни мотоциклов.
И слышен надсадный грохот. Звучит песня:

«Что такое рок?
Песня или стон?
Может быть, упрек,
Тем, кто не влюблен.

Что такое рок?
Дерзкий взлет ума
Или же порог,
За которым тьма?

Сердце бьется — рок.
Взгляд сверкает — рок.
Соль слезинки — рок.
Капля пота — рок.

А может быть, земля,
Взлетевшая высоко,
Вращается, живет
И мчится в ритме рока».

Музыка замирает, как бы вместе с танцующими уносится вдаль по дороге. Звучит еле-еле. На авансцене появляются Гоша и Фая. Теперь они танцуют медленно, разговаривают.

Гоша. Одному австралийскому ученому удалось услышать, как растение просит пить.

Фая. Обалденно.

Гоша. Но самое интересное, что под музыку Бетховена трава растет быстрее... Эта мысль не дает мне покоя. Я мечтаю написать музыку, под которую все бы росло, расцветало быстрее... Жизнь становилась бы другой.

Фая. Фантазер! А как трава растет под пение Элтона Джона?

Гоша. Становится красной. Как от крови. Элтон Джон! Он выходит на эстраду с удавом. «Люблю мучать людей, доводить их до такого состояния, когда они могут вцепиться друг в друга». Мы еще не знаем, как много может музыка... Фая, давай оторвемся. Умчимся куда-нибудь далеко-далеко.

Фая. Не боишься Боса?

Гоша. Я люблю тебя... Давно... И ты это знаешь... И Бос это знает. Он поймет. Он человек легкий. Зеленый мальчишка. Мы поедим к морю. Горячий песок. Реликтовые сосны...

Фая. Но ты же его друг!

Гоша. Бос легко теряет голову. Он и тебя легко потеряет.

Теперь они танцуют молча. И тут к ним пританцовывая приближается тип — большой, рыхлый парень, потный от жары и выпивки.

Тип (Гоше). Послушай, бригадир, отдохни.

Гоша и Фая делают вид, что не замечают типа.

(Не отступается.) Отдохни, бригадир.

Гоша. Я не бригадир. Твой бригадир ждет тебя в семь ноль-ноль на товарной станции.

Тип (с угрозой). Я тебе советую, отдохни, бригадир!

Фая (типу). Гуляй отсюда! С такой будкой в полутьме надо сидеть, а ты на свет вылез.

Тип (Гоше). Ты слышишь, что она сказала, бригадир?

Гоша (срываясь). Мотай отсюда! (Перестает танцевать и за шиворот уволакивает типа в глубь сцены.)

Звучит музыка. Высвечивается столик поста в больнице. На столе — маленький магнитофон. За столом сидит сестра. Вдруг сестра сбросила халат и оказалась эдак, выделывая сложные фигуры. Она вся поглощена музыкой, танцем. Кто-то зовет: «Сестра! Сестра!..» Она не слышит.

Затемнение

Высвечивается бар. В бар заходит дед в старой гимнастерке, с медалями на выцветших ленточках, с ружьем на ремне. Он останавливается с краю, снимает ружье и опирается руками о ствол. Некоторое время наблюдает за танцующими. К нему подходит Бос.

Бос. Пришел принять свои сто граммов?

Дед. Здесь водка дорогая.

Бос. Могу поднести.

Дед. Я уже. Сельпо в трех километрах, сходил — не поленился. (Кивает на шлем.) В космос собрался?

Бос. Нам и на земле хорошо. Мы — ночные мотоциклисты.

Дед. А я — ночной сторож. Знаю, вы людей пугаете на дорогах. Только для чего, не возьму в толк.

Бос. Для собственного кайфа гоняем по всей земле ночами.

Дед. В ночную смену живете.

Бос. Мы ребята нестандартные.

Дед. А я — стандартный. Стандарта одна тысяча девятьсот сорок первого года. Слышал про такой стандарт?

Бос. Так с тех пор в этой рубашке и ходишь? Все спустил?

Дед. Эта гимнастерка, парень, приросла ко мне. Ношу ее для памяти. Напоминаю людям, что была война. А то забывают. Живут так, словно войны не было... Сегодня знаешь какое число?

Бос. Седьмое июля, кажется. Ну и что?

Дед. В этот день наш полк принял первый бой. А к вечеру от полка осталась рота. Я чудом уцелел.

Бос. Празднуешь?

Дед. Поминаю... Страшный был день. Но страшнее, когда растрачивают то, что мы завоевали... такой ценой.

Бос. Почему старики любят поучать?

Дед. Знаем, что будет дальше. Видели это кино... раньше вас прокрутили.

Бос (озорно). Послушай, дед, дай мне померить твою рубаху?

Дед с любопытством смотрит на Боса.

Жалеешь рубаху?

Дед. Тебя жалею. Призовут — еще наносишься. (И вдруг решительно снимает гимнастерку и передает ее Босу.)

Бос скидывает куртку, передает деду и надевает гимнастерку.

(Протягивает ему ремень.) Затяни потуже.

Некоторое время они смотрят друг на друга. И вдруг раздается крик: «Ребята, смотрите на бригадира!», «Бос в солдатской шкуре!», «Ну, Бос, ты даешь!» И все танцующие приближаются к Босу, окружили его. И пританцовывают, хлопая в ладоши.

Гоша. Тебе идет. Помнишь, как Грушницкий...
Фая (перебивает Гошу). Сними сейчас же. Как маленький!

Бос. Мы с дедом поменялись!

В это время накатывается новая волна танцев. Все танцуют. И Бос в гимнастерке деда танцует. А дед стоит с курткой Боса на плечах, опершись на ружье и наблюдает за танцами. Звучит песня:

«Что такое рок?
Бег или ходьба?
Спринтерский рывок?
Жесткая борьба?
Что такое рок?
Медная труба?
Для одних урок,
Для других судьба».

Перед дедом — танцующий Бос. Ерничая, кричит сквозь музыку.

Бос. Как, солдат?.. Годится? Может быть, со мной станцуешь?

Дед. Ноги болят, а то бы попробовал. Рубаха-то как?

Бос. Ничего! Фирма! Только трет шею. (Останавливается.)

Дед. Это с непривычки. Я когда в первый раз надел ее, тоже натер шею — был я таким, как ты. Плясал, правда, иначе. Тоже считал себя нестандартным. Потом выяснилось, что мы все стандартные, одному делу

служим... до последнего, как говорят, дыхания.

Бос. Дед, махнемся шкурами насовсем?

Дед. Я бы отдал тебе гимнастерку просто так. Но не могу.

Бос отдает деду гимнастерку.

(Не надевает ее, а идет, держа в руках, по сцене.) Я в этой гимнастерке дважды ранен был... В первый раз под Смоленском...

Из глубины сцены в танце выплывает тип.

Тип (напевает). Бара-бара-бара! Бара-бара, ба, ба! (Сталкивается с дедом.) Я хочу тоже померить твою рубаху... А ты поддержи мой блайзер.

Дед. Тебе нельзя. Запятнаешь!

Тип перестает танцевать.

Тип. Ты знаешь, кто я такой? Я — Фроликов! Я — культурный человек. У меня два тома Луначарского Анатолия Васильевича. Не читал? Рекомендую. У меня все подписки... какие только существуют. (Не может твердо стоять на ногах, качается.) У меня на стенке портрет Эпштейна!

Подходит Гоша.

Гоша. Эйнштейна.

Тип. Эпштейн тоже есть. Управляющий межрайонной... (Деду.) Давай гимнастерку! (Пытается вырвать.)

Гоша. Спокойнее!

Тип. Я весь мир могу прокормить... а меня оскорбляют! И вообще, дед, ты мешаешь культурному досугу трудящихся.

Дед (отталкивает типа). Ты людям жить мешаешь, и то тебя терпят.

Тип с силой отталкивает деда. Ружье падает на пол. Тип замахивается, чтобы ударить. Руку его перехватывает Гоша. Появляется Фая.

Гоша (типу). Не понял.

Тип. Сейчас поймешь. (Замахивается.)

Гоша бьет типа под дых. Танец обрывается. Драка. Подбегает Бос.

Слышен голос типа: «Мотоциклисты работают бьют! Зовите милицию!» Голос Гоши: «На старика руку поднял!» В драку втягивается все больше народу. И тут дед поднимает ружье и стреляет. И сразу драка замирает. На авансцену выбегают Бос, Гоша, Фая.

Бос. Надо смываться. Сейчас приедет милиция.

Гоша. Опять скажут: «Мотоциклисты затеяли драку». Кто прав, кто виноват, их не интересуется! Быстрее, ребята!

Фая. Колбасника унесли на руках... Меня от одного его вида воротит... А Гоша, оказывается, может.

Бос. Гоша может! Быстро по машинам, и разлетелись!

Его голос тонет в грохоте мотоциклов. ↗

Затемнение

И снова дорога. Прыгают и мигают огни фар. Раздается милицейская сирена. ↘

6

Больница. Гоша медленно катит кресло, в котором сидит Бос.

Бос. Ты, наверное, не думал, что увидимся, правда, Гоша? Здорово меня тогда потрясло... Я тут очень ждал тебя. Всякая чертовщина в голову лезла. Потом выяснилось, что в клинике карантин. Никого не пускают.

Гоша. Главное, что ты жив. Я теперь всех светил на ноги подниму...

Бос. Светил много — мне ничего хорошего не светит. Как там ребята?

Гоша. Тихие как мыши. Затаскали их. Расспрашивают про аварию. Всплыли перевернутые автоматы и еще какие-то дела. Ну и, конечно, мотель... К тебе не приходили?

Бос. Был один из райкома. Интересовался. Я сказал: был в отключке, ничего не помню... По-моему, дали парню глупую роль, он и сыграл ее по-глупому. Смотрит на меня и ничего не видит. До него не доходит, что я без ног. (После паузы.) Как твоя рок-группа?

Гоша. Подбираются неплохие ребята. Понимают музыку. Умеют играть от себя. Один парень даже похож на Саймона Ле Бона.

Бос. У тебя странная музыка. Напеть ее невозможно. А во мне она звучит... Она звучала во мне в самые трудные минуты. Заглушала боль.

Гоша. У каждого поколения своя музыка. Наша музыка — рок. Рок не очень признают меломаны-старички. Но это музыка-прорыв. Со временем ее будут изучать и в консерватории, как классику. Вот увидишь! Рок — это энергия юности, прорыв в будущее. Понимаешь, музыка, которая борется. Против лжи, против компромиссов. Ищет смысл жизни.

Бос. Ты здорово говоришь, Гоша!

Гоша. Музыка поможет тебе, Бос, подняться. Ты доверься мне.

Бос. Я тебе доверяю.

Гоша. Во время первой мировой войны знаменитому австрийскому пианисту Витгенштейну оторвало правую руку. И тогда другой музыкант, тоже фронтовик, композитор Равель сочинил концерт для левой руки... Все должно пройти бесследно, Бос. Музыка должна продолжаться. Из тебя выйдет отличный ударник — ты чувствуешь ритм. Мы попробуем.

Бос. Все перегорело... Но мы попробуем, Гоша. Жить как-то надо.

Гоша. Главное, что ты жив... выжил. (После паузы.) Фая приходила?

Бос. Что на ней за рыжее мочало?

Гоша. Я ее давно не видел. Фае тоже надо знать меру. Ты в таком положении...

Бос. Пусть гуляет, Гоша! Что же ей, в монастырь записываться? Я теперь вне игры. Ты не теряй ее из виду, Гоша. Может быть, ей помочь надо...

Гоша. За Фаю не волнуйся. Она девушка с характером. За себя постоять может. Я разыщу ее... непременно.

Бос. Ну да, конечно.

↗ *Некоторое время Гоша молча катает Боса. Не знает, о чем говорить.*

Гоша. Говорят, англичане выпустили новый мотоцикл. С автоматическим переключением передач. Сила! Я где-то вычитал. (После паузы.) У ребят появилась финская резина... Прости, забыл, что теперь это тебе до фени.

Бос. Я почью просыпаюсь от мотоциклов. Кругом тишина, а у меня в голове грохочет... Скажи, на другой день после этой ночи ты приходил ко мне в больницу?

Гоша. Не пустили.

Бос. Тут вечный карантин, словно собрали одних чумных. Я даже не знаю, как попал сюда. Ты меня привез на попутной или удалось вызвать «скорую»?

Гоша. Фая тебе не рассказывала?

Бос. Что Фая может рассказать! Перепугалась вусмерть девушка. Я бы на ее месте тоже молчал.

Гоша. Я сначала думал, тебя просто потрясло — оклемаешься. Ну, а потом все оказалось серьезнее.

Бос. Я очнулся — нет ног. Ноги есть, а их нет. Как меня оттуда выцарапали? Ведь на том переезде жуткая глухомань.

Гоша. Когда мы вырвались из мотеля, ребята разлетелись кто куда. Мне нельзя было долго задерживаться. Нас искали гаишники по всем дорогам. И на мне висела старуха.

Бос. Тебе пришлось смываться? Как же я попал в больницу?

Гоша. Тебе Фая не рассказывала?

Бос. Меня подобрали гаишники?

Гоша. Я не знаю... Понимаешь, точно еще не известно, была ли старуха... Они меня таскают, но про старух молчат. Может быть, ждут, что я сам расскажу? Как ты думаешь?

Бос. Ты все про старуху... Тебе грозит срок?

Гоша. Все может быть. С мамой будет повторный удар, если она узнает. Она и про тебя ничего не знает... А им все известно — и про покарёженного «жигуля» и про драку в мотеле... Фая тебе расскажет.

Пауза.

Бос. Фая ко мне больше не придет.

Гоша. Поссорились?

Бос. Она никогда ко мне не придет.

Гоша. Что-нибудь напозволяла?

Бос. Больница — не для Фая... И зачем я ей, мало разве здоровых ребят?

Гоша. Фая — человек легкий. Летит только на огонек. А становится темно — ее нет. Теперь приходится за все отвечать.

Бос. Ладно! Пронесло! Мы что-нибудь придумаем, Гоша. Ты приходи почаще. Должен быть выход.

Гоша (*осторожно*). Выход есть.

Бос. Надо кому-нибудь на лапу?

Гоша. Лапу как раз никто не протягивает. Помочь в моем положении может только один человек...

Бос. Юркин отец работает в прокуратуре.

Гоша качает головой. Пристально смотрит на Боса.

(Удивленно.) Я?

Гоша. Ты, Бос! Сечешь?

Бос. Ничего не понимаю!

Гоша. Не подумай, что я пришел только за этим. Но ближе тебя у меня нет друга... В тебе есть то, чего не хватает мне, — решимость!

Бос. Но чем я могу помочь тебе в этой коляске?

Гоша. Вот коляска как раз и может помочь. *(После паузы.)* Ты мог бы взять на себя...

Бос. Как на себя... *(Думает.)* Сказать, что я — бригадир, все на мне... Конечно, я тебе помогу. Ты узнай, как это сделать.

Гоша (*торопливо*). Тебе это ничем не грозит. Я узнавал: людей с парализованными ногами даже выпускают из лагерей... списывают...

Бос (*удрученно*). Списывают. Думаешь, что говоришь?

Гоша (*возбужденно*). У меня нет выхода. Я весь обложен. На меня жмут. Некуда деваться! Ребята вот-вот дадут показания. Но главное — мама. Ты же знаешь... у нее уже отнималась рука... Я не о себе, Бос... Я и отсидеть могу.

Бос. Я должен подумать.

Пауза.

Гоша. Это должно было случиться. *(Бьет себя по колену.)* Должно... было случиться... Пронеслись как смерч, кого-то сбили, друга покалечили...

Бос. Ты не знаешь, почему, когда меня увозили, Фая не было рядом? Она не захотела остаться?

Гоша. Какое это теперь имеет значение...

Бос. Ты прав. Не надо об этом думать. Но как заставить себя не думать, что меня бросили одного... на глухом переезде... в полной отключке...

Затемнение

7

Дорога в движении. Горят огни и дорожные знаки. То вспыхивают, то пропадают огни мотоциклетных фар. Надвигается лавина ночных мотоциклистов. Свист. Крики. Музыка. Кажется, они мчатся прямо в зрительный зал. Крики: «Эй, бригадир, куда едем?» — «Там, в мотеле, большой шум подняли!» — «Надо смываться побыстрее!» Голос Боса: «Разбежались в разные стороны. Сбор на дальней кольцевой!» И вот лавина стала откатываться. Все меньше звуков, огней.

И конец — тишина.

На обочине дороги высвечивается стоящий мотоцикл. Рядом — Бос и Фая.

Бос. Кажется, оторвались. В такую глушь никакая милиция не сунется.

Фая. Как тихо. В ушах звон стоит. Слышу тишину?

Бос. У меня еще от гула голова гудит.

Фая. Трава после дождя пахнет свежим огурцом.

Бос. Как там ребята? Не загребли бы кого.

Фая. Слышишь, как кричит сова?.. Давай уснем под елочкой. Утром проснемся — поют птички, волосы, мокрые от росы... Бос, оторвемся от дороги.

Бос. Чем тебе не нравится наша жизнь?

Фая. Она не может продолжаться вечно.

Бос. Кончится — будем думать, как жить иначе.

Фая. Помнишь, мы попали в туман. Фары уперлись, как в стену. Мы ехали вслепую, не знали, что с нами будет. Или врежемся в столб, или полетим в кювет... Мне кажется, что мы всегда едем в тумане и всегда не знаем, что с нами будет.

Бос. На тебя накатывает! Осмотрись! Никакого тумана. В небе звезды. *(После паузы.)* Поехали!

Ф а я. Бос, я не поеду.

Бос. Да ты что? Вырубилась?

Ф а я. Надоело. Получается, не дорога принадлежит нам, а мы дороге. Она поворачивает — мы поворачиваемся. Она подгоняет — даем газу. А потом окажется, что мы мчимся не по той дороге...

Бос. Потом разберемся.

Ф а я. Потом будет поздно. Почему мы все время от кого-то удираем?

Бос. Сейчас удираем от старухи, а она мчится за нами верхом на метле.

Ф а я. Ты кого-нибудь жалел в своей жизни?

Бос. Пацаном жалел ласточек, когда взрослые разоряли гнезда. Даже защищал их. Но мне четко втолковали, что так надо для чистоты и гигиены. И я стал безразличным: ласточка так ласточка, старуха так старуха.

Ф а я. Нет, Бос, ты не такой. Ты еще мальчишка, напускаешь на себя. Хочешь казаться холодным и безжалостным.

Бос. Ладно! Пронесло!

Пауза.

Ф а я. Бос, продай мотоцикл!

Бос. Да ты что, девушка! Долго думала?

Ф а я. Надоело. Продай, прошу тебя. Мы поедим на юг. Где растут реликтовые сосны. Горячий песок. И рядом ухает море! Я устала удирать. Ведь я все-таки девчонка!

Бос. Хочешь знать, от чего мы удираем? Каждый день удираем и не можем удрать? От жизни, которой не хотим жить. Нас считают чуть ли не гангстерами. А мы — искатели.

Ф а я. Что мы нашли на дороге?

Бос. Друг друга. Разве мало?

Ф а я (тревожно). Бос, мы можем и потерять друг друга на дороге.

Подъезжает Гоша. Глушит двигатель.

Гоша. Ребята пересекли автобан и разлетелись. Я догадался, что вы свернули сюда, на просеку.

Бос. Ты здорово врезал этому колбаснику.

Ф а я. У тебя хороший удар левой.

Гоша. Такие типы уничтожают цивилизацию... Для них люди — мясные туши... Кажется, мой номер записали... Когда я выезжал из мотеля. Один в полосатой пижаме писал... Ссоритесь?

Бос. Обсуждаем поездку на юг. Фая до зарезу нужны реликтовые сосны... Она без них жить не может.

Гоша. Прекрасная мысль. Поедем все вместе. Заживем.

Бос. Мы будем ловить маленьких акул-тарганов, а Фая будет бегать на базар, гадать отдыхающим.

Ф а я. Я не похожа на цыганку.

Бос. Подкоптишься, станешь похожей.

Гоша. А я еще мечтаю о костре на берегу моря. Ночь. Пламя отражается в воде. Прибой отсчитывает ритм. Ба-ба-ба-ба! Ба-ба-ба-ба! (Напевает.) И я на гитаре импровизирую... сочиняю музыку... У нас все должно быть своим — и музыка и слова. Бос, ты когда-то писал стихи?

Бос. Сто лет тому назад.

Гоша. Ты попробуешь, у тебя получится. Море будет нам аккомпанировать...

Ф а я (мечтательно). Как хочется уснуть под открытым небом...

Затемнение. Дорога оживает с огнями, знаками, с шумом, с музыкой. Потом вдалеке два огонька фар. Они приближаются. Невожиданно раздаются звон и начинают вспыхивать и гаснуть большие красные огни на переезде. Раздается шум приближающегося поезда. Слышен гудок локомотива. Огни мотоциклов все ближе. Один вырывается вперед. На какое-то мгновение высвечивается лицо Боса и Фая. Крик Фая: «Поезд! Тормози!.. Сворачивай!». Крик Боса: «Поздно! Как-нибудь проскочим!» Затем пронзительный, как вопль, крик Фая: «Остановись, подонок!» В следующее мгновение — железный скрип тормозов поезда, лязг буферов. Горят обжигающие сигнальные огни.

Все звуки замирают. Только звучит грохот буферов. И высвечивается подвешенный искореженный мотоцикл. Одно колесо беззвучно вращается. Потом лязг смолкает. Тишина.

Затемнение. Музыкальный антракт.

Бар мотеля. Все участники спектакля танцуют.

Певица (на авансцене, поет).

Мечтала девчонка, страдала за партой,
Серьезный урок стороной пролетал.

А он вдалеке наклонялся над картой,
Над чистой, над девственной контурной
картой

В полуночный час точку встречи искал.

А что было дальше?

А дальше — дорога.

И все повороты,

То снег, то бурьян.

И смотрят глаза вопросительно строго.

И смотрят глаза вопросительно строго.

А что было дальше?

Над морем туман.

Земля повернулась легко, словно глобус,
Нежданно скрестились два долгих пути.

И вот наконец они встретились оба,

5

Когда наконец они встретились оба,
Судьба умудрилась их вновь развести.

А что было дальше?

А дальше — дорога.

И все повороты,

То снег, то бурьян.

И смотрят глаза вопросительно строго,

И смотрят глаза вопросительно строго.

А что было дальше?

Над морем туман.

Судьба их любовь испытала сурово.

За встречей — разлука. И голос затих.

И вот наконец они встретились снова.

Отчаявшись ждать, они встретились снова.

Но ждали опять испытания их.

А что было дальше?

А дальше — дорога.

И все повороты,

То снег, то бурьян.

И смотрят глаза вопросительно строго,

И смотрят глаза вопросительно строго.

А что было дальше?

Над морем туман.

Действие второе

8

Ночь в больнице. Белый топчан, белый стол с лампой, шкафчик с лекарствами. И одновременно чувствуется присутствие дороги: мигают огни, слышен приглушенный гул. Дорога как бы накладывается на больницу. Странное освещение, странная музыка. И все, что происходит, как бы нереально.

Выезжает Бос. Он что-то ищет, наконец подкатывает к шкафчику с лекарствами. С другой стороны выходит Петрова с неизменным ведром и шваброй.

Петрова. За больными не обидно подтирать, топчут здоровые.

От ее голоса Бос вздрагивает. Но не поворачивается.

Бос. Тетя Маруся! Я тебя узнал по голосу. Что ты так долго не приходила?

Петрова. Я — Клавдия Ивановна... Петрова моя фамилия.

Бос. Тетя Маруся, тебя не пускали ко мне из-за карантина? Но ночью карантин не действует. Ты хорошо придумала — дождалась ночи.

Петрова. У меня сын в третьей палате. Он мойщик окон...

Бос. Ты испекла мне пирог с капустой?

Петрова. Испекла. Только тесто не очень хорошо поднялось.

Бос. Не важно! Я так люблю твой пирог с капустой, особенно румяную корочку.

Петрова. Все сыновья любят пироги с капустой... Ты почему не спишь?

Бос. Я теперь никогда не сплю... Тетя Маруся, помнишь, как ты меня укачивала? Мне уже пять лет было, большой пацан, а я все просил тебя — укачай! Я тут ищу какое-нибудь снотворное.

Петрова. Не пей что попало. Еще не то, что надо, выпьешь...

Бос. Ну и черт с ним!.. Тетя Маруся, если бы можно было начать все по-новой, я бы стал жить иначе.

Петрова. Ты знаешь... как иначе?

Бос. Пришел бы к тебе насовсем! И все само получилось бы иначе.

Петрова. Мой бедный Сереженька жил со мной, а не уберется... Твоя мать скоро приезжает. Я слышала разговор в ординаторской. Они с экспедицией забрались в такие джунгли, с трудом разыскали их.

Бос. Помогают братским народам искать нефть. Десять лет носит их по свету. Кочевники.

Петрова. У каждого своя жизнь... Потерпи. Осталось немного ждать.

Бос. Я привык. Они с отцом уезжали за бугор, а меня — в казенный дом, в интернат.

Петрова. Не суди мать строго. Матерей не выбирают...

Бос. Тетя Маруся, а ведь мать не пустят в клинику!

Петрова. Почему не пустят?

Бос. Она гордая — не будет мыть полы в больничных коридорах. Она не то, что вы, тетя Маруся... *(Кричит.)* Она не будет мыть полы!

Появляется сестра. Голова замотана полотенцем.

Сестра *(громко)*. Что здесь? Почему не спите? На пять минут отлучилась помыть голову, и на тебе. Явились — не запылились!

Петрова. Говорите тише.

Сестра *(громко)*. Ах, еще и тише!

Бос. Она не может тише за девяносто рэ... Слушай, ангел-хранитель, достань мне какой-нибудь дряни, чтобы сразу... Сама не можешь, разыщи моих ребят. Славку Горовца. Он что угодно достанет... Не хочу жить! Не могу больше терпеть!

Сестра. Вот до чего додумался! Едем на инъекцию!

Бос. Хватит! Исколот! Нет живого места! Уходи со своими шприцами!

Сестра решительно подходит к Босу.

(Резко разворачивает кресло-коляску.)

Уходи! Разнесу всю вашу медицину! Я —

инвалид. Мне все можно. Таких, как я, даже из тюрьмы списывают. Поняла? *(Направляет коляску прямо на сестру. Кричит.)* Ножками! Ножками!

Сестра. Я тебе принесла соленый огурец!.. *(Пятится и пропадает.)*

И сразу оживает дорога. Мигают огни, гремят машины, звучит музыка дороги. И Бос с своим кресле-коляске оказывается посреди дороги. Он сидит неподвижно, глядя в одну точку, и все, что происходит дальше, происходит в его воображении. Появляется Гоша.

Гоша. Помочь в моем положении может только один человек. *(Выжидательно смотрит на Босу.)*

Бос. Я?

Гоша. Ты, Бос... Ты мог бы взять на себя старуху? Тебе это ничем не грозит... Людей с парализованными ногами списывают.

Бос *(подается вперед)*. Как списывают, Гоша? Как списывают? *(Кричит.)* Не хочу, чтобы меня списали... совсем!

Гоша отступает в темноту. Голос Боса заглушает шум дороги. И снова движется, живет дорога. Появляется Слава. У нее растерянный вид, вся самоуверенность спала с него.

Слава. Здравствуй! Я не вовремя? Завтра уезжаю в стройотряд.

Бос смотрит на него и молчит.

Если тебе неприятно — я уйду.

Бос Садись на белый диванчик, раз тебе не спится.

Слава. Я принес тебе...

Бос. *(прерывает его)*. Мытые яблочки?

Слава протягивает ему пузырек.

(Берет, нюхает.) Бензин! Как это ты додумался, Славка? В больнице даже по запаху скучаешь. *(Рассматривает Славу.)* Что с тобой? Приболел?

Слава. У меня брат тяжело заболел. Моложе меня... Бос, я раньше ходил в каких-то темных очках, не видел чужих страданий... Не понимал... Я когда устраивал Алешку в больницу, хлебнул такого холода... Бегал, собирал подписи, резолюции, разрешения, и со мной разговаривали так, словно я оформляю кубометр теса. «Подожди — обед — не можем — вы не один...». А дома жена, двое ребятишек-двойняшек, мать убивается... Тебе, наверное, кажется, что я сам такой бюрократ и играю в такого. Нет, Бос!

Бос. Брось! Смотри на вещи проще.

Слава. Теперь уже не могу... Пока человек молод, он должен сидеть в седле, а не в кресле. Если бы я в ту ночь был у переезда, я бы спас тебя. Остановил бы поезд, пусть самого переломало бы... Заслонил бы тебя. Пока я не помогу стать тебе человеком, сам не стану им.

Появляется сестра. Она как бы пересекает дорогу.

Сестра. Здравствуйте, товарищ Караваев! *(Босу.)* Почему бензином пахнет? Аверьянов, ты решил поджечь больницу?

Бос. На дороге всегда пахнет бензином.

Сестра. Безобразие! *(Уходит.)*

Слава. Я принес тебе письма Островского.

Бос. Проходили в школе.

Слава. Про любовь Островского не проходили. Он юношей полюбил докторскую дочь. Ее звали Люсей, но он называл ее Люси.

Бос. Рабочий парень, и вдруг — Люси. Странно.
Слава *(читает)*. «Я похож на избавившегося от смерти, которому предстоит опять борьба, и уже так надоело все это. Пиши мне сейчас же, Люси, если только не забыла. Мне так хочется узнать, как ты живешь и что у тебя нового, милая Люси...»

Слава пропадает. Появляется Фая. Она тоже переходит дорогу. И как бы не замечая Боса.

Фая. Не могу пройти мимо дома с белыми колоннами... Меня нянька теперь задаром пускает. Халат дает не такой застиранный и по росту.

Бос. «Я похож на избавившегося от смерти, которому предстоит борьба, и уже так надоело все это. Пиши мне сейчас же, Люси, если только не забыла. Мне так хочется узнать, как ты живешь и что у тебя нового, милая Люси...» *(Замечает Фая.)* Я думал, ты не придешь...

Фая. И сочиняешь письма какой-то Люси?

Бос. Это Николай Островский сочинил. Любил ее... без взаимности... Я раньше не верил в любовь без взаимности, а теперь понимаю.

Фая. И от этого не спишь ночью?

Бос. Не могу уснуть... Мне кажется, я уже никогда не смогу уснуть. *(После паузы.)* Расскажи мне сказку.

Фая. Сказку? Как маленькому?

Бос. Нет, как большому. Большим тоже нужны сказки... чтобы хоть как-то выжить.

Фая. Я однажды от бессонницы придумала сказку для себя. Хочешь, расскажу.

Бос. Прошу тебя.

Фая. Значит, в сказке я прихожу к своим родителям и говорю: «Папа и мама, я выхожу замуж». Мои родители, как все современ-

ные люди, не спрашивают: люблю ли я его, хороший ли он человек. Они интересуются другим: «Кто он?» «Ночной мотоциклист!» — отвечаю. Родители в моей сказке переглядываются, не понимают. «Спортсмен? — спрашивает отец. — Мастер спорта?» «Да нет, говорю, не мастер. Просто гоняет по ночам где попало». Тогда папа восклицает: «Понял! Он инспектор ГАИ. Дежурирует по ночам. Мать, не помнишь, были в нашем роду милиционеры? Ха-ха!» «Да нет же, папа, — поясняю, — никакой он не ганшик. Он — мотокентавр». «Это уже мифология! Кентавр!» — восклицает мама. «Точно, — соглашаюсь я, — ты, мама, правильно поняла меня. Кентавр с добавлением «мото». Мифология. Только весь миф заключается в том, что моего кентавра выгнали из школы. Он болтается без дела и хочет жениться на мне».

Бос. Здорово у тебя получается! Давай дальше, Андерсен!

Фая. Дальше, было тоже интересно. Они не стали интересоваться, за что моего жениха выгнали из школы. Они легко проглотили это. «Кто его родители?» — спросил папа. И в нашем доме задало отделом кадров.

Бос. При Пушкине тоже спрашивали: кто родители, сколько деревень, сколько душ крепостных? Как косярится при дворе? Номенклатура... Ты бы была на жалость: разночинец, сирота!

Фая. На жалость не действует. Проверено. Я ответила уклончиво: «Родители где-то за рубежом. В командировке». Папа сразу же оживился, а мама в этой моей сказке робко спросила: «Можно с ними познакомиться?» «Нет, говорю, они где-то в Африке». «А на жениха можно взглянуть?» — разочарованно спросила мама. «Надеюсь, он не на мотоцикле въедет в наш дом, — сострил папа. — Терпеть не могу таракелки!» — «Жигулей» у него пока нет. А без мотоцикла он не может. Он же мотокентавр». — «За кого же ты выходишь замуж, за человека или за мотоцикл?» — «За обоих! Я ведь тоже немного кентавр. Кентавриха. Гоняю по ночам!» И знаешь, что мне папа сказал в этой моей сказке? По-моему, очень остроумно: «Этак у вас родится не ребенок, а мотоцикл!»

Затемнение. Музыкальный антракт.

Больница. Бос и Фая как бы продолжают разговор.

Фая. Так и сказал: «Родится не сын, а мотоцикл».

Бос. Теперь даже мотоцикл не родится. Придется сочинять новую сказку... Мчались, мчались — и проскочили.

Фая. Главное, мы вместе. Когда человек один — один человек. А когда двое — это уже люди. *(Отступает в темноту, но голос ее продолжает звучать, как эхо.)* Это уже люди... уже люди... люди...

Появляется дед. Он идет не спеша, напевая старую военную песню: «Бьется в тесной печурке огонь...»

Дед. Здравствуй, допризывник.

Бос. Здравствуй, дед! Все отмечаешь свой страшный праздник... седьмое июля?

Дед. Я этот праздник до смерти буду отмечать... Я с того дня живу как бы в долг... в долгу перед товарищами... А тебя, я смотрю, крепко задело?

Бос. Задело! Танк переехал!

Дед. Ну, если бы танк, нам бы с тобой не удалось встретиться.

Бос. И случилось это... тоже седьмого июля. Так что у нас с тобой теперь праздник общий.

Дед. Не совсем общий, хотя дата совпадает... Там люди кровь проливали за Родину. А ты за что... пролил?

Бос. Не знаю. *(Раздраженно.)* Взял и... пролил!

Дед. Это самое трудное в твоём положении. Люди могут быть разными, праздники у них должны быть общие... И Девятое мая и седьмое июля... *(Уходит.)*

Оркестр вторит солдатской песне. Появляется инспектор ГАИ.

Инспектор *(берет под козырек)*. Инспектор Гусев!

Бос. У меня никаких документов нет... Я оказался на дороге без прав.

Инспектор. После разберемся — с правами или без.

Бос. Ты меня забираешь, инспектор Гусев?

Инспектор. Съезжай на обочину, поговорим.

Бос отъезжает в сторону.

Бос. Вызывай машину. Я своим ходом далеко не уеду... Сил нет. Ты по поводу старухи? Так это я! Я! Пиши в свой протокол! Сбил и не оказал помощь! Я ничего не боюсь. Я калека! Таких даже из лагерей списывают! Слышишь?

Инспектор. Да нет, бригадир, я собственно... по личному делу. Не встречал ты девчонку с пронзительными глазами? С вами гоняет. Фаиной зовут... Николаевной?

Бос. Как же, как же. Только что была здесь.

Инспектор. Не везет! Гоняюсь, гоняюсь за ней — не могу догнать. Неуловимая. Может быть, думает, раз я милиционер, хочу забрать ее. Она мне просто нравится... Я из-за нее ночным мотоциклистом заделался. Если доведется встретить, скажи: инспектор

велел кланяться, Сашей зовут, чернявый такой. (*Уходит.*)

Оживает грохочущая дорога.

Затемнение

9

Больница. День. Появляется Фая. Со стороны смотрит на Боса. Он удручен. Закрывает лицо руками.

Фая. У тебя был Гоша?

Бос (*отрывает руки от лица, удивленно смотрит на Фаю*). Не твоё дело.

Фая. И после встречи с ним тебе расхотелось жить. Я запретила ему появляться здесь!

Бос. Он плевал на твой запрет.

Фая. Он, конечно, говорит о старухе?

Бос. Я помогу Гоше. Он мой друг. Ты бы лучше молчала о Гоше. Он был со мной до последнего...

Фая. Это он тебе рассказал? Ничего не выйдет. Я расскажу, как было.

Бос. Кто тебя будет спрашивать?

Фая. Я приду в суд. Это подлость катить на человека, который...

Бос. Договаривай, договаривай!

Фая молчит, опустив голову.

Послушай, Фая, с кем ты уехала с разбега?

Фая. Нет! Давай об этом не вспоминать. Давай не думать об этом!

Бос. Ходить я не могу. А вот не думать... У меня голова раскалывается от мыслей... Я о тебе думаю.

Фая (*со слабой улыбкой*). Обо мне, Бос?

Бос. Раньше некогда было. Теперь времени вагон. Думать о себе опротивело. Вот я — о тебе...

Фая. Не так противно?

Бос. Брось! Я гадаю, к кому ты переметнешься? К Володьке Басову или к Эдику Кружковскому? Не болтаться же тебе одной в таком роскошном парике?

Фая. Почему ты не спросил меня о Гоше?

Бос. Я знаю, ты ему здорово нравишься... Но он же мой друг!

Фая. Друг!

Бос. Что он тебе сделал плохого? У меня, кроме Гоши, никого не осталось. (*После паузы.*) Пойми, девушка, рядом со мной тебе ничего не светит. Даром теряешь время.

Фая. Почему даром? Учушь жить.

Бос. Ты до восьмого класса была отличницей, здорово училась.

Фая. Потом расхотела. Разочаровалась. У нас историк все время рассуждал о высоком

долге человека, а сам писал анонимки на своих товарищей.

Бос. В этой школе все правда. (*Стучит по колесу.*)

Фая. Врачи тоже ошибаются.

Бос (*бьет себя руками по коленям*). Пустота! Кончилось горячее!

Фая. Не кричи. Я узнавала. Разыскала опытных докторов. Говорят, могут вернуться... ноги. Они помогут тебе.

Бос. Ты слышала про остров Валаам? Есть такой прекрасный остров на Ладожском озере. Меня в детстве мама возила туда на пароходе. Там после войны в старом монастыре собрали инвалидов-доходяг... без рук, без ног... Одиноких, никому не нужных. Мое место на острове Валаам.

Фая. Этого острова больше не существует. Калеки поумирали. Остров закрыт на капитальный ремонт.

Бос. Даже острова закрывают на капитальный ремонт!

Фая. Там настроят отелей, баров.

Бос. Не поможет! Пока будут жестокие игры — будут калеки. Остров Валаам — там, где я.

Фая. Молчи! У меня тоже бывают минуты, когда хочется умереть. Не театрално, не на зло родным и знакомым. А уйти из жизни, как ушла из дома, не хлопая дверью. Но я держусь. Кто-то из нас должен стоять на ногах.

Бос (*задумчиво*). Мне каждый раз кажется, что вижу тебя в последний раз. Уйдешь и не вернешься.

Фая. Ты, оказывается, ждешь меня. Мне казалось — тебе все равно. Ведь ты прогнал меня.

Бос. Я сам не знаю, что со мной. Может быть, я человек-мотоцикл.

Фая. Бос!

Бос. Нет-нет! Мотоциклу даже лучше. У него нет сердца. А сломается что-нибудь, найдутся запчасти. Мотоциклу наплевать, что пятнадцать парней бросили его на глухом переезде — раненого, без сознания, истекающего кровью.

Фая. Бос, не думай о них. Давай смотреть вперед. У нас не будет рок-группы. Не будет славы. Но впереди жизнь... Дай руку.

Бос протягивает ей руку.

Чувствуешь, какая у меня крепкая рука? Бос, я ветреная девчонка. Обо мне говорят такое... Но я могу быть другой... настоящей. Я чувствую в себе силы.

Бос. У меня-то нет сил.

Фая. Я поделюсь с тобой. Мы ведь всегда с тобой делились... Мы встретим настоящих людей.

Пауза.

Бос. В Черкизове живет моя старенькая тетя, вернее — сестра моей бабушки. Тетя Маруся. Однажды мне нужны были деньги и я завалился к ней: «Здравствуй, тетя Маруся, как поживаешь?» И попросил у нее в долг. Она как-то странно посмотрела на меня и сказала: «Есть у меня тридцать рублей. Скопила на собственные похороны, чтобы не быть людям в тягость... Могу тебе дать... на время. Только уж не подведи, Боренька».

Фая. Взят?

Бос. Ты у ворот ждала меня, помнишь?

Фая. В Черкизове, у пруда?

Бос. Там еще церквушка стояла с зелеными маковками.

Фая. Ты сказал, заедем в одно место, тебе человек должен деньги.

Бос. Не мог же я рассказать тебе о тете Марусе. Ты девушка чувствительная, могла взбрыкнуть... Мы в тот вечер хорошо посидели.

Фая. Ты тогда кутил, был твой день рождения.

Затмение

Высвечивается бар. Бос и Фая сидят за круглым столиком на авансцене. Играет тихая музыка, потом — тишина.

Фая. За мной подарок. Что тебе подарить?

Бос. Подари кошку. Я скучаю по дому.

Фая. У тебя же есть дом. Большая квартира.

Бос. Пустая и пыльная. В таких даже домовые не заводятся.

Фая (*поднимает бокал*). Будь здоров, Боря! Пусть тебе крепко повезет.

Бос. Я невезучий... Но иногда мне кажется, что счастливей меня нет на свете. Я стараюсь не задавать вопросов!

Фая. Кому, Бос?

Бос. Естественно, себе. Отвечать на вопросы всегда трудно. Особенно на свои.

Фая. За невесомость!

Бос. За невесомость. Это, наверное, тост космонавтов.

Фая. Ошибаешься, они ненавидят невесомость. Она сводит с ума. Когда смотришь телевизор — плавают бедолаги по кораблю, как в аквариуме... Бос, а тебе никогда не хочется твердо встать на ноги?

Бос. А зачем?

Оркестр заиграл блюз.

Показать тебе, как хоронят негры?

Фая. Это так весело?

Бос. Нет, сперва все нормально — траурный марш Шопена. Но когда могила засыпана и близкие возвращаются домой, происходит нечто. Лошадка катит пустой катафалк, а за ней идут негры и танцуют под блюз. (*Рассказывает и изображает.*) Танцуют старики

и дети, солидные мужи и старушенции. Прямо на мостовой. В городе. (*Танцует энергично и пародийно.*)

Фая. Чему же они так радуются?

Бос. Их близкий человек отмучился, переселился из жестокой Америки в ласковый рай... Ему хорошо!.. Они за него рады. Давай, давай, Фая.

Они танцуют вместе под блюз.

А потом пошел дождь... Все открыли зонтики... И над танцующей процессией замаячили крыльями большие птицы... Я видел это, когда был маленьким... Вырвался у мамы и пошел за неграми, шел и танцевал и мне было удивительно весело.

Некоторое время продолжается танец. Потом Бос и Фая выходят на авансцену. Переводят дыхание.

Фая. Ты никогда не женишься на мне.

Бос. Слушай, отчего ребята спешат жениться? Думают, решатся все проблемы?

Фая. Проблем только прибавится.

Бос. Ты у меня молоток!

Фая. Скорее, метла!

Бос. Не понял?

Фая. В соседнем домоуправлении подвернулась работа с предоставлением жилплощади. Я теперь дворник.

Бос. Ну ты даешь! Обалденно! Экстра-класс.

Фая. Я рассудила так: лучше махать метелкой, но быть свободной.

Бос. Это сладкое слово «свобода»!

Подходят к стойке. Фая берет бокал.

Фая. За свободу!

Бос. За дворника!

Фая. Я девушка рискованная. Еще в детстве усе- лась на карниз пятиэтажного дома и све- сила ножки. Пожарных вызывали. Потом выдрали.

Бос. Никогда не думал, что моей подругой бу- дет дворник.

Фая. Со временем поступлю в вечернюю школу. Другого нет у нас пути.

Бос. В руках у нас метелка!

Фая. Я сейчас встану на стул и крикну на все кафе: «Я — дворник!» (*Кричит.*) «Я — дворник! Дворник!» Бос, никто не реагиру- ет. А я думала, что совершаю подвиг... Между прочим комната светлая, шестнад- цать метров. Обстановка казенная. Как по- яснил управдом, выморочное имущество. Умер старичок, а наследников не оказа- лось...

Бос. Значит, считай, получила наследство. Умер старый дядя.

Фая. Он был математиком. Так что книг инте- ресных нет. Но на стенах фотографии. Уп-

равдом сказал: «Можешь их выбросить». Но я к ним уже привыкла. Там один гусар в расшитом шнурами ментике. Я его зову Бос, Борис, Базиль. Смотрю на него и думаю, а что если ему вместо лошади подвести мотоцикл? И он, вместо того чтобы дать газу, будет прищипывать «Яву».

Бос (*смеется*). У тебя фантазией все в порядке... Я письмо от отца получил. Пишет, если не перестану гонять по ночам, из меня выйдет рецидивист. Может быть, начнем чистить квартиры?

Фая. Быстро надоест.

Бос. Еще отец пишет: «Посмотри, как мы живем с матерью. Мы всего добились сами. Работаем за рубежом. У нас положение, деньги, кооперативная квартира — на сертификаты». (*После паузы.*) В том-то и дело, что у них ничего нет. Нищие! Деньги и шмотки не в счет. У них любви нет. С трудом терпят друг друга, врут друг другу. Хотят, чтобы я жил так же. А я не хочу так жить — грязная посуда, грязное белье, грязные слова.

Фая. Мы будем есть на капустных листьях, будем спать в траве, придумаем чистые слова...

Бос. Обойдемся без слов!

Фая. Как глухонемые?

Бос. Глухонемые понимают друг друга лучше, чем мы. Их жизнь не захлавлена лишними словами. Когда они говорят, обязательно смотрят в глаза друг другу... Как жаль, что в такой хороший день с нами нет Гоши.

Фая. Это хорошо, что он в отъезде... Это хорошо, Бос.

Бос. Что ты катишь на Гошу? Он к тебе пристаёт?

Фая. Есть в Гоше нечто... что отличает его от других... Он в чем-то сильнее тебя.

Бос. Зачем ты мне это говоришь?

Фая. Я боюсь его... Боюсь оставаться с ним вдвоем.

Бос. Он может обидеть тебя?

Фая. Он тебя может обидеть, Бос. Есть люди, которые в первую очередь делают больно ближним. Может быть потому, что ближние всегда тут, рядом. И потому их легче обидеть.

Бос. О чем ты, Фая?

Фая. Гоша пригласил меня на юг. Горячий песок. Реликтовые сосны. Рядом ухнет море. Можно ловить маленьких черноморских акул-тартанов. (*После паузы.*) Ты не слушаешь меня?

Бос. Мне надо повидать тетю Марусю... Мне обязательно надо повидать тетю Марусю... Когда я был совсем маленьким, она за меня заступалась... Однажды змею убила у моих ног...

Затемнение

И снова возникает больница.

Фая (*решительно*). Я заберу тебя отсюда. Решила! Буду работать. Нам хватит. Проживем.

Бос. Зачем тебе это?

Фая. Ты не должен спрашивать «зачем», если веришь мне... Школьная привычка — задавать вопросы.

Бос. А как же горячий песок в Пицунде? Реликтовые сосны?

Фая (*твердо*). Мы поедем с тобой к морю. И ты будешь ловить своих маленьких акул-тартанов, а я буду гадать отдыхающим на рынке, когда закопчусь на солнце. Мы поедем.

Бос. Без ног?

Фая. Не имеет значения! Ты будешь ловить тартанов.

Бос. Мажинуар!

Фая. А вот «Мажинуара» не будет, очень дорогие духи. Будет что-нибудь попроще... Я опять разговаривала с профессором. Он сказал: «Не такие еще встают на ноги». Ты не слушаешь меня? О чем ты думаешь?

Бос (*пристально смотрит на Фая*). Неужели тебе нравится рыжий цвет... У тебя свои волосы красивые.

Фая срывает парик. Под ним забинтованная голова.

Что это?!

Фая. Ничего страшного. Уже заживает... скоро снимут швы.

Бос. Кто это тебя?.. Какой гад?..

Фая (*сдавленным голосом*). Думаешь, когда локомотив отбрасывает в сторону мотоцикл, только водитель ломает позвоночник? Я больше месяца провалялась в больнице.

Бос. Гоша мне ничего не рассказывал. Не хотел огорчать? Или он не знал?

Фая. Знал.

Бос. Ладно! Пронесло! Не будем возвращаться на этот проклятый переезд.

Фая. Нет, Бос, теперь вернемся! Без этого нам не обойтись.

Бос. Не могу! Хочу забыть этот удар. Этот грохот. Эту тьму!

Фая. Нет, Бос, вернемся! (*Кричит.*) Вернемся! Так нужно!

В дверях появляется взволнованная сестра.

Затемнение

10

Темнота. Слышен звук удаляющегося поезда. Тревожно вспыхивают и гаснут красные огни переезда. Высвечивается железнодорожный переезд. На земле лежит распростертый Бос. Шлем валяется в стороне.

Голова Фаи наспех перевязана платком. Она смотрит на Боса. Потом припадает к груди, слушает.

Ф а я. Бьется! Жив! Боренька! Жив! *(Кричит.)*
Гоша!

Появляется Гоша. Вид у него растерянный.

Гоша, он жив. Сердце бьется.

Гоша молчит, все никак не придет в себя.

Гоша. Еле успел затормозить... Дорога скользкая... Поезд громыхнул перед самым носом. Что с ним? Кровь?

Ф а я. У тебя мотоцикл в порядке?

Гоша. Работает... Бос! Какая беда, Фая!

Ф а я. Надо ехать за «скорой». Попутных здесь не будет...

Гоша. Такой страшный толчок. Все это было на моих глазах. Наверное, его уже не спасешь.

Ф а я. Что ты такое говоришь! Дышит. Просто без сознания. Нужен врач!

Гоша. Фая! У тебя голова в крови. Но ты сможешь сесть на заднее седло. Я привяжу тебя к себе, чтобы не упала... А он не выживет.

Ф а я. Он потерял много крови. Если он не выживет...

Гоша. Нельзя ждать. Ты должна решиться!

Ф а я. Оставить его одного?

Гоша. Мы оставим его на время. Хотя он... не выживет.

Ф а я. Короче — бросить его и смыться?

Гоша. Мы вместе вызовем «скорую». Ты ничем ему помочь не сможешь. А тебя надо везти в больницу немедленно.

Ф а я. Никуда я не поеду!

Гоша. Ты знаешь... Я ради тебя...

Ф а я. Спаси ради меня Боса. Поезжай в мотель!

Гоша. Ты же знаешь, мотель кипит злобой. Они только и ждут, чтобы схватить одного из нас.

Ф а я. Сейчас это не имеет значения. Он теряет кровь! И никого из ребят нет рядом. Как назло...

Гоша. Я поеду в город! Я помчусь на пределе... хотя дорога мокрая. Вызову «скорую» и тут же вернусь. Но я умоляю тебя — поедем со мной!

Ф а я *(жестко)*. Я остаюсь с Босом.

Гоша *(решительно)*. Поедешь со мной! *(Хватает Фая за руку.)*

Ф а я. Пусти!

Между ними идет борьба. Наконец Фая вырывается. Раздается тихий стон Боса.

(Вплотную подходит к Гоше.) Давай, Гоша, беги. Садись в седло! Вруби сто двад-

цать кмэ. Но, не доезжая города, ты заскочишь на пост ГАИ и скажешь: на переезде разбился какой-то незнакомый мотоциклист, нужна «скорая»! Если ты этого не сделаешь...

Гоша. В последний раз — едем?

Ф а я. Сматывай!

Гоша *(бормочет)*. Я вернусь... Я тут же вернусь...

Грохот мотоцикла заглушает Гошин голос. Он уезжает. Становится тихо. Темно. Только высвечивается Бос, лежащий на земле, и стоящая перед ним Фая на коленях. Они высвечены красным — красными фонарями переезда.

Бос *(в бреду)*. Где я?.. Где я?

Ф а я. Ты со мной. Узнаешь меня?

Бос. Сними с меня военную рубашку. Го-оша!

Ф а я. Потерпи немного... Стисни зубы, Боренька. Сейчас приедет «скорая».

Бос *(бредит)*.

Дедушка в поле нашел ананас. Старый не понял, что это фугас...

Бетси Смит... великая негритянская певица попала в автомобильную катастрофу... Ее привезли в больницу для белых. И не успели! И она умерла на пороге больницы... Гоша, они привезут меня в больницу для белых...

Ф а я. Успокойся. Ты и есть белый.

Бос. Я не белый. Обуглился от боли.. Умру на пороге больницы... *(Открывает глаза, пытается встать.)* Кто ты? Я не узнаю тебя?

Ф а я. Я люблю тебя... люблю... Только живи...

Бос... Боренька... Я люблю...

Грохот поезда, пересекающего дорогу. Красные фонари вспыхивают и гаснут. Потом снова тихо.

Бос, потерпи, Боренька. Вот приедет «скорая», сделает укол, сразу полегчает...

Бос. Где мои ноги?

Ф а я *(гладит его ноги)*. Я глажу твои ноги, чувствуешь?

Бос. У меня нет ног. Тебе мерещутся ноги... Они где-то в траве... я их не чувствую... Держись! Держись на вираже... Прижмись ко мне крепче... Я хочу обнять тебя, да руки заняты...

Ф а я. Бос, милый, ты всегда хочешь обнять меня и у тебя всегда заняты руки... Лежи. Не шевелись. *(И вдруг резко поднимается. Делает несколько шагов по дороге.)* Он не пришлет «скорую». Он от страха в полной отключке. Он за десять километров объедет ГАИ... Надо на что-то решаться!..

Высвечивается искореженный мотоцикл с бесшумно вращающимся колесом.

Затемнение

11

Больница. На середине сцены в коляске сидит Бос. На коленях у него перевернутое судно. В руках барабанные палочки. Он поет песню, изображая вагонного нищего и аккомпанирует себе палочками.

Бос (поет).

Граждане, подайте инвалиду
Из своих доходов трудовых.
Граждане, подайте хоть для виду,
Чтобы продержаться мне в живых.

Появляется Гоша с пакетом в руке.

(Поворачивается к нему и поет громче.)

Граждане, храните свои ноги,
Чтобы их, как я, не потерять.

Гоша. Что ты делаешь?

Бос. Репетирую.

Гоша. Не валяй дурака, Бос! Я принес тебе яблоки...

Бос. Среди нищих встречаются мудрецы, философы, барды.

Гоша. Бос, мне не до шуток. Вот. *(Достаёт из кармана бумажку.)* Повестка от следователя.

Бос молчит, не смотрит на повестку.

Бос, что мне делать?

Бос молчит.

Нас было пятнадцать парней. Выходит, они перед тобой чисты, а я за всех в ответе... Я хуже всех!

Бос. Мне эти парни — до лампочки! Ты был моим другом. Ты был рядом. Я доверял тебе. Я думал, всегда будем вместе.

Гоша. А в трудную минуту ты...

Бос *(перебивая)*. Когда я пришел в себя... после наркоза... всех расспрашивал про тебя... Все пожимали плечами. Я даже в бреду звал тебя. А ты бросил меня на глухом переезде. Смелся.

Гоша. Это не так!

Бос. Это так. *(Поет.)*

Граждане, подайте инвалиду
От своих доходов трудовых...

Горжусь, что я нищий! Готов стать нищим, лишь бы не быть с тобой в одной компании!

Гоша. Ты мстишь мне за свою боль! В твоём положении надо дорожить дружбой...

Бос. В моем положении... Я все думаю, в каком я положении. Инвалид... Бывают инвалиды войны, инвалиды труда. А я? Кто?

Гоша пожимает плечами.

Я — инвалид балды! Скоро пенсию будем обмывать.

Гоша ходит по сцене. Ему мешает пакет с яблоками, он перекладывает его с руки на руку.

(Снова барабанит и поет.)

Не смотрите на калеку косо —
Я искусству новому учусь.
Ног не стало — выросли колеса...

Появляется Фая.

Фая. Перестань!

Бос *(Фая)*. Ты долго волокла меня бесчувственного?

Фая. Я уже рассказывала тебе.

Бос. Расскажи Гоше!

Фая. Не помню! Я ничего не помню!

Бос *(властно)*. Вспомни... раз есть что вспомнить.

Фая *(через силу)*. Один раз мы упали вместе. Ты застонал. А у меня с головы съехал платок, кровь потекла на глаза... Но мне было не больно, честное слово... И мы двинулись снова... к этому проклятому мотелю... Я мучила тебя здорово, Бос. Но надо было что-то делать... Еще очень хотелось пить...

Гоша *(Фая)*. Я предлагал отвезти тебя... Силой пытался...

Фая *(не слышит его слов, Босу)*. Больше всего я боялась, что у тебя не хватит крови.

Бос. А у самой голова разбита... Пять швов.

Гоша. В темноте было плохо видно. Я думал, царапина.

Бос. В темноте вообще плохо видно. Друг валялся на земле в отключке — Гоша не заметил. У девушки разбита голова — не обратил внимания. Пост ГАИ ты тоже не увидел? Или тебе меня стало жалко — чего мучить парня, пусть тихо доходит сам?

Гоша. На мне висела старуха!..

Бос. Она и теперь на тебе висит. Всю жизнь будет висеть. У каждого есть своя старуха.

Гоша. Старуха пока не подтвердилась... Теперь на мне драка в общественном месте, памятный «жигуль»... Бос! Только ты можешь меня спасти! У меня больная мама... Она любила тебя... Прошу тебя...

Бос. Подойди ко мне.

Гоша подходит. Некоторое время Бос смотрит ему в глаза, потом бьет изо всей силы. И сам вскрикивает от боли. Гоша падает. Яблоки раскатываются по сцене.

Ты забыл, что у меня еще есть руки!

Фая сидит на белом топчане, закрыв глаза руками. Решительно входит сестра. Остнавливается.

Сестра. Аверьянов!

Бос. Не возникай!

Фая. Не приставай к нему, видишь — он в отпаде.

Сестра (*не обращая внимания на ее слова*).

Совсем рехнулся! Своего лучшего друга...

Бос. Он мне не друг.

Гоша поднялся, собрал яблоки и убежал.

Сестра. Легко бросаться друзьями! (*Садится рядом с Фаяй.*) Как я устала от тебя, Аверьянов. Никогда не знаешь, что ты отколешь, заорешь или швырнешь судно. Если подожжешь больницу, не удивлюсь.

Фая. Я скоро заберу его. Потерпи.

Сестра. Я думала, ты просто вздорный мальчишка. Ты — жестокий!

Бос (*огрызаясь*). Ты не жестокая! Сколько раз видела, как меня выкручивает от боли. И жалела морфия.

Пауза.

Сестра. Я тебя жалела — боялась, привыкнешь. У нас лежал один парень... пристарился.

Фая. Что теперь говорить об этом!

Бос (*сестре*). Ангел-хранитель! Тебе наплевать на меня. Тебе нравится Гоша! И вдруг какой-то кретин заехал ему в морду. Все правильно. Гоша — молоток! Музыка пишется, прорывается в будущее. Рок-энергия молодежи. Что ты молчишь? Скажи — нравится!

Пауза. Сестра поднимается, отходит.

Сестра (*не глядя на Босу*). Дурак ты, Аверьянов... Мне ты нравишься. Когда тебя привезли из операционной, я всю ночь просидела у твоей койки. Ты мне казался смелым и благородным... И несчастным. Я решила во что бы то ни стало выходить к тебе. Загадала: уйдешь своим ходом — буду снова поступать в мединститут.

Бос. Ты доводишь меня... Все чего-то требуешь... кричишь на меня.

Сестра. Я спасаю тебя... как могу. Сама не знаю, почему так привязалась к тебе. У меня здесь дома нет, живу в общежитии, пять девчонок в одной комнате. Одна кричит во сне... Первое время я оставалась ночевать в больнице, думала, вдруг понадобится тебе. Я защищала тебя.

Бос. От кого ты меня защищала?

Сестра. От тебя самого. (*Подходит к Босу.*)

Я видела, как ты изводишься, оттого что к тебе никто не приходит.

Фая. Так в клинике был карантин.

Пауза.

Сестра. Никакого карантина не было. Просто к тебе никто не приходил. Никто!.. Тогда я уговорила всех врачей, няnek, больных говорить тебе, что карантин. Я спасала тебя от одиночества. Ты думал, приходят к тебе, но в клинику не пускают. Карантин!

Бос и Фая переглядываются. Молчат.

Я, наверное, скоро уеду домой, в Омск. Там мама с братишкой ждут меня. Брат похуже тебя.

Бос. Хуже не бывает.

Фая. А как же мединститут?

Бос. Думаешь, в Омске все иначе? Не калечатся люди, не бьют морду?

Сестра. Неужели мы навсегда останемся такими? Или переедем жестокостью, как корью... обязательно должны переболеть? Мы все время во что-то играем и все время проигрываем. По неопытности? Или такие такие невезучие? Все ждем чего-то и не дождемся! В третьей палате лежит мойщик окон. Когда он делает лечебную гимнастику, у него по лицу текут слезы. Знаешь, о чем он мечтает? Поправиться и снова мыть окна! Как просто, но зато точно.

Бос. Я тоже мечтаю. Мне бы хоть раз сесть на мотоцикл. И врубить...

Фая. Забудь об этом, Боря! Даже не думай.

Бос. А о чем думать? (*Сестре.*) О том, как меня предал друг?

Сестра качает головой.

Фая (*сестре*). Ты не была там... Не пережила этой жути... Липкая кровь на лице. И боль. И рядом умирающий друг... Ты можешь понять... Люди пили чай, трепались по телефону, ссорились по пустякам. А там у нас была война... Двое раненых. Третий — сбежал...

Сестра. Он не сбежал.

Бос. Ты опять выгораживаешь его?

Фая. Я видела, как он помчался в сторону города... Я сперва ждала. Потом поняла — надежды мало. И тогда... мы потащились в этот проклятый мотель. Бос, ты не помнишь, ты был в отключке. Потом я шла одна. Потом потеряла сознание...

Сестра. Гоша доехал до шоссе и повернул к мотелю.

Бос. В мотеле было полно милиции. Его только там и ждали.

Фая. Это он тебе рассказал. И ты сразу поверила?

Сестра. Я ни о чем его не спрашивала.

Бос. Может быть, ты была там, на дороге?

Сестра. Сторож приходил в больницу. Он мне все рассказал... Гоша вернулся в мотель. Его ждала милиция, но он вернулся!.. Вызвали «скорую». Нашли Фаяу. Она лежала на дороге без сознания...

Бос. Жанна! Ты говоришь правду? Ты понимаешь, что сейчас нельзя врать? Жанна!

Сестра стоит перед Босом и смотрит ему в глаза.

(Взрывается.) Фая! Беги! Беги за Гошей! Догони его, Фая! Верни.

Фая уходит. Бос замирает. Шум дороги усиливается.

Сестра (как бы себе). У нас так мало близких людей. А мы их просто выкидываем из жизни... топим, как котят. Потом грызем локти от одиночества! Человека нельзя нарисовать одной краской... Одной краской можно только заборы красить!.. Карантин! Карантин!

Затемнение

Дорога грохочет, мигают огни, вспыхивают и гаснут светофоры. И вдруг в центре этого водоворота появляется Бос в своем кресле. Он как бы хочет выбраться из железного потока, но не может. И дальше все сцены идут как бы в воображении Боса.

На краю дороги появляется Гоша. Рядом стоит неработающий мотоцикл. Бос кричит: «Гоша! Гоша!» Но тот не слышит — как бы из-за шума дороги. Тогда Бос пытается пересечь дорогу, подъехать к нему, но мимо проносятся машины. Он беспомощно мечется на своем кресле с колесами. И вдруг Гоша посмотрел в сторону Боса. И дорога замерла.

Бос *(тяжело дыша)*. Привык гонять очертя голову, а на этой колмаге далеко не уедешь. Движок слабоват... А что с тобой? Полетели подшипники? Ты ведь мчался в город по автобану. На спидометре...

Гоша. Я мчался по автобану, и у меня что-то полетело...

Бос. Подшипники?

Гоша *(качает головой, указывает на грудь)*. Здесь у меня что-то полетело, и я понял: не могу ехать в город. Не успею. Очень далеко. Я повернул к мотелю.

Бос. С ума сошел. Мотель кипел от злобы на нас. Туда милиции понаехало... Ты же знал.

Гоша. Знал. Бывает так, что тобой движет какая-то непонятная сила... Я вдруг почувствовал, что теряю тебя, Фая, музыку, маму — всю жизнь теряю. *(Плачет.)* Все погибало.

Бос. А о себе ты подумал?

Гоша. Что я без всех вас? Остальное меня не интересовало. Эта дорога — первокласс-

ный автобан — вдруг превратилась в ухабистое бездорожье. Я не мог дальше ехать. Свернул к мотелю. Тогда я любил вас больше себя.

Бос. Я думал, что хуже, чем со мной, никогда не бывает.

Гоша. Бывает. Но я успел. Что было дальше, не имеет значения. Только за маму боюсь... Ты поправляйся, Бос... А теперь прощай!

Бос. Стой! Не уходи! Прости, Гоша! Пусть все будет по-прежнему!

Гоша *(уходит, укачивая свой тихий мотоцикл)*. По-прежнему не будет... По-прежнему не бывает. Прощай, Бос!

Бос хочет броситься следом за Гошей, но дорога — огни, грохот, сирены — преграждают ему путь. И он снова в центре круговорота. Сидит, уставясь в одну точку. И не замечает, как дорога замирает. Рядом с ним возникает Фая.

Фая. Прости меня, Бос. Так получилось... я выхожу замуж.

Бос. Ты?!

Фая. Я все взвесила. Ты же еще зеленый, Боренька. А он — мужчина. Он любит меня больше, чем мотоцикл, и даже больше, чем музыку.

Бос. Гошка! Он только что был... ничего не сказал.

Фая. Тебе лучше узнать это от меня. Я говорила тебе: Гоша — он личность, у него есть цель. Он станет большим музыкантом. У тебя так никогда не получится... У Гоши хорошая мама. И я ей понравилась... Подали заявление.

Бос. Уже?

Фая. Придется ждать два месяца.

Бос. Он же бросил тебя с разбитой головой... Да нет, что я говорю... он же помчался в мотель. Но ты любила меня... мне так казалось.

Фая. Мне тоже казалось. А теперь не кажется.

Фая отступает в тень, исчезает. Появляется сестра. Она без халата, в руке чемодан.

Сестра. Пусть она выходит за своего Гошу. Мы поедем с тобой в Омск. У нас в Омске Иртыш широкий, вольный. И люди у нас добрые. Я поставлю тебя на ноги. Мама и братишка примут тебя как родного. *(Отступает в тень.)*

Бос. А как же Фая? *(Кричит.)* Фая! Я не могу больше!

Затемнение

Возникает уголок больницы. Реальное освещение. К Босу подбегает Фая.

Ф а я. Что случилось?.. Ты задремал.
 Б о с. Да-да, я задремал. (*Встревожен, дышит учащенно.*)
 Ф а я. У тебя болит?.. Или приснилось?
 Б о с. Приснилось. Твой голос мне приснился.
 Ф а я. Что я говорила?
 Б о с. Не помню. Не имеет значения. Я слышал во сне твой голос, как сейчас... Ф а я, я чувствую себя беззащитным.
 Ф а я. Я тебя, беззащитного, люблю сильнее. Наверное, людей любят не только за силу, но и за слабость.
 Б о с. Помнишь старика с медалями? Его гимнастерка пахла мылом. Наверное, стирал ее накануне... Говорят, у солдат все должно быть чистым, в случае — если ранят... Меня тянет к чистым людям, которые не врут ни другим, ни себе... ни во что не играют... Когда солдат идет на смерть, он не может быть бесчестным... грязным.
 Ф а я. Я сегодня была у тети Маруси. Достала деньги и поехала в Черкизово.
 Б о с (*оживляясь*). Как тебе понравилась тетка? У нее всегда полно разных словечек, прибауток. «Покров покрыл землю снежком, а невесту женишком». Оказывается, поздней осенью на праздник Покрова принято было жениться... Она обрадовалась, когда узнала, что ты от меня?
 Ф а я (*испуганно*). Умерла тети Маруси.
 Б о с. Почему? Когда... умерла?
 Ф а я. Инфаркт. Соседи похоронили. Деньги они не взяли.

Пауза. Бос думает.

Б о с. Опоздал! Какой я подонок! (*Ф а я.*) Там, в Черкизове, над прудом есть церквушка. Поезжай! Купи свечей на все деньги. Пусть горят в честь тети Маруси!
 Ф а я (*качает головой*). Ее похоронили в красном гробу. Она была первой комсомолкой Черкизова. На фронт ушла добровольно.
 Б о с. Почему хорошие люди уходят из жизни тогда, когда они нужнее всего?
 Ф а я. Они всегда нужны, Боря. И их всегда не хватает. И приходится самим. Все приходится делать самим.

Затемнение

Звучит музыка. Из темноты, провожаемая лучом, выезжает... пустая коляска. Слышен голос Боса: «Ф а я... Ф а я... Стою...» Высвечивается Бос, он стоит. Его рука на плече подруги. На Ф а я нет парика и нет белого халата.

Б о с. Я держусь за тебя, но я стою.
 Ф а я. Держись, Бос. Мы вдвоем... Держись... Я теперь поняла, надо бежать не от себя, на-

до возвращаться к себе. Медленно, трудно идти к себе.

Б о с. Идти-то нечем... Когда больше всего на свете хочется идти, идти нечем.

Ф а я. Ты стоишь, Бос! Стоишь на ногах!

Б о с. Больно стоять. Но черт с ним... Ф а я! Я был один, мне не хватало целого мира...

Ф а я. Когда человек один — это только один человек. А когда двое — это уже люди! Шагай, Боря, шагай!

Бос с большими усилиями шагает в сторону зала.

Б о с. Я сделал шаг! Чувствуешь, я сделал шаг... еще шаг! Сам! (*Падает.*)

И сразу оживает дорога, горят огни, звучит грохот двигателей. Прыгают огни мотоциклов. И звучит музыка, зовущая вперед.

Конец

Театральный разъезд

Рисунок С. Ашмарина